

КОЛОСЬЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЪЛЬНИКЪ.

1918г

СОДЕРЖАНИЕ: Карлъ Марксъ (1818—1918 г.)—К. О. Н. Изъ трагедіи „Серпы“—Георгій Шенгели. Шевченко и гайдамаки—Валентинъ Розжицынъ. Воспоминанія—Феликсъ Конъ. Россія въ охраннымъ отдѣленіи. Біографическія справки о В. Ленинѣ и Н. Троцкомъ. «Записки по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи» (Не подлежитъ оглашенію) жандармскаго подполковника Рожанова. Изд. Деп. Полиціи. Театръ. В. Б. Художественная выставка „Союза Искусствъ“—М. Кинъ. Стихи—Алатовъ, Д. Помренингъ, А. Гатовъ, С. С. Давойновъ. Иллюстраціи—портретъ К. Маркса, фотографіи изъ охранныаго отдѣленія В. Ленина и Н. Троцкаго, группа каторжанъ участниковъ процесса „Пролетаріатъ“ (изъ охранныа. отд.), шаржи на Я. Рубинштейна и И. Свѣтлова, театральные портреты, виньетки, заставки и концовки. Художники: Іона Бій, Л. Розенбергъ, Лурье, Улановъ, Маркинъ.

МОСКОВСКИЙ НАРОДНЫЙ БАНКЪ

ХАРЬКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ

Торговая пл. 2, домъ О-ва Россія.

Городская контора, Сумская, домъ О-ва Саламандра.

Народныя сбереженія

должны идти въ народъ.

Въ Московскій Народн. Банкъ.

Несите ваши сбереженія

Тек. сч. въ Харковск. К-рь Государственного Банка № 226055.
Адресъ почтовый: Харьковъ, Торговая пл. 2, д. О-ва „Россія“.
„ для телеграммъ: Харьковъ—Народбанкъ.

Капиталы и оборотныя средства (балансъ) Банка свыше
300.000.000 рублей.

МЕЛКІЯ СБЕРЕЖЕНІЯ.

Всякій человѣкъ, дѣлающій сбереженія, страхуетъ свою старость и будущность своей семьи отъ нужды.

Несущій же свои сбереженія въ Моск. Народн. Банкъ даетъ, кромѣ того, возможность развиваться кооперативнымъ учрежденіямъ, дѣятельность которыхъ позволяетъ трудящимся улучшать свои хозяй-

ства и съ меньшими затратами удовлетворять свои потребности.

Сбереженія, отдаваемые въ Московскій Народный Банкъ, заставляютъ капиталъ служить трудящимся массамъ.

Деньги, собранныя Моск. Народнымъ Банкомъ, идутъ на улучшение крестьянскихъ хозяйствъ.

Московский Народный Банкъ

ѣсть центральный Банкъ кооперативовъ Россіи. Кооперативный по существу, хотя и акціонерный по формѣ, онъ насчитываетъ въ числѣ своихъ акціонеровъ 3.749 кооперативовъ разныхъ видовъ всѣхъ мѣстностей нашей страны. Средства банка идутъ на ссуды исключительно кооперативамъ — кредитнымъ, потребительнымъ и производительнымъ товариществамъ и сельско-хозяйственнымъ обществамъ и ихъ союзамъ. Въ одномъ 1916 году было выдано ссудъ на 98.425.432 рубля. При содѣйствіи Банка для потребностей членовъ товариществъ было куплено въ 1916 году на 15.379.168 рублей сельско-хозяйственныхъ машинъ, сѣмянъ, удобрений, шпата и другихъ товаровъ.

Неся свои деньги для сбереженія въ Московскій Народный Банкъ, который непосредственно и черезъ свои отдѣленія распределяетъ ихъ исключительно между кооперативами, вы

не только сберегаете свои средства и увеличиваете ихъ посредствомъ прироста процентовъ, но въ то-же время увеличиваете средства кооперативовъ, имѣющихъ своей задачей улучшать условія существованія широкихъ слоевъ трудового народа.

До сихъ поръ пріемъ мелкихъ сбереженій на вклады производили главнымъ образомъ Государственныя Сберегательныя Кассы, теперь же, слѣдуя лозунгу „Народныя деньги должны идти въ народъ“, Московскій Народный Банкъ ввелъ въ кругъ своихъ операций „Условный текущій счетъ по мелкимъ сбереженіямъ“, на который принимаетъ вклады отъ частныхъ лицъ, начиная отъ 1 рубля. По этимъ вкладамъ Харьковское Отдѣленіе будетъ платить 4% годовыхъ, т. е. четыре рубля на 100 рублей въ годъ. Вкладчики по мелкимъ сбереженіямъ освобождаются отъ уплаты гербового сбора.

По накопленіи не менѣе 100 рублей, лицу, имѣющему условный текущій счетъ, согласно § 12 пункта а) устава Московскаго Народнаго Банка, можетъ быть выданъ вкладной билетъ, напечатанный въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, каковой билетъ, на основаніи § 28 того же устава, можетъ быть принятъ въ залогъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и казенныхъ учрежденіяхъ.

Проценты по вкладнымъ билетамъ, срочнымъ не менѣе одного года, будутъ уплачиваться въ большемъ размѣрѣ, именно изъ 5% годовыхъ т. е. 5 рублей на 100 руб. въ годъ.

Принимая во вниманіе интересы трудового населенія, Харьковскимъ Отдѣленіемъ Банка будетъ обращено вниманіе на то, чтобы кліенты при пріемѣ и выдачѣ вкладовъ затрачивали какъ можно меньше времени.

Касса Банка открыта для пріема и выдачи вкладовъ ежедневно отъ 9½ до 2 часовъ дня.

Женщины должны быть лучшими проводниками идеи мелкихъ кооперативныхъ сбереженій.

ХАРЬКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ СОЮЗЪ КООПЕРАТИВОВЪ (СОЮЗБАНКЪ).

гор. Харьковъ, Николаевская площ., № 9, (противъ биржи), телеф. 44-07.

Открываетъ въ гор. ХАРЬКОВѢ ОТДѢЛЕНИЕ, которое будетъ помѣщаться

во второмъ этажѣ дома на углу Николаевской площ. и Московской ул., подъ № 1/5.
Ходъ съ Николаевской площ.

Отдѣленіе будетъ производить ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦИИ:
(вклады, текущіе счета, переводы, аккредитивы, инкассо).

СОЮЗЪ ПЛАТИТЬ:

По вкладамъ: а) до востребованія: 5%
б) на срокъ: { 6 мѣсяцевъ 5%
1 годъ 5 1/4 %
2 года 5 1/2 %
свыше 2 лѣтъ по соглашенію.
в) по текущимъ счетамъ 4 1/2 %

Кооперативамъ выплачивается по вкладамъ срочнымъ и текущимъ счетамъ болѣе на 1/2 %

На ряду съ обычными вкладами и текущими счетами Союзъ принимаетъ на условные вклады и текущіе счета суммы безъ ограниченія наличными денежными знаками, съ обязательствомъ выплаты наличными денежными знаками безъ ограниченія размѣровъ выдачъ.

Союзъ является Народной Финансово-Кредитной Организацией.

Союзъ отвѣчаетъ по своимъ обязательствамъ всѣмъ принадлежащимъ ему имуществомъ. Сверхъ того, каждый членъ Союза и всѣ они вмѣстѣ, отвѣчаютъ ПОЛНОСТЬЮ передъ третьими лицами ПО ВСѢМЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ СОЮЗА (ст. 13 Устава Союза).

Книгоиздательство „СОЮЗЪ“ ТРУДЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Харьковского Кредитнаго Союза Кооперативовъ.

Вышли изъ печати: „Короткий нарис Украинской мови“ О. Сенявскій. А. П. Марковъ «Мѣстные финансы».

ПЕЧАТАЮТСЯ и ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ.

Культурно-историческая библиотечка

подъ ред. проф. Д. И. БАГАЛІЯ.

Проф. Д. И. Багалій—„Исторія Слободської України“.
Проф. М. Х. Сумцов—„Историко-этнографический побут Слободської України“.
Таранушенко—„Мистецтво у Слободській Україні“.
А. С. Федоровскій—„Смѣны культуръ на территории Слободской Украины въ доисторическую эпоху“.
Айзенштейн—„Українське відродженне у Харкові в 20—40 роках XIX ст.“.
Проф. М. Х. Сумцов—„Розвій Української літературної мови“.
Проф. Д. И. Багалій—„Заселення південної України (Новоросійського краю)“.
Проф. Д. И. Багалій—„Український філософ Г. С. Сковорода“.
О. Д. Татаринова—„Вас. Наз. Каразинъ“.
Н. Д. Ладыженская—„Просвѣтительная діяльність Харківського Университета“.
Е. М. Ивановъ—„Е. С. Гордѣнко“.
М. А. Плевако—„Слобожанські письменники—Гулак-Артемовський, Квітка і інші“.

Естественно-историческая библиотечка

подъ ред. проф. В. И. ТАЛІЕВА.

„Растительный міръ Украины и смежных мѣстностей“—проф. В. И. Таліева.

„Птицы—друзья человека“—Г. А. Брызгалова.
„Ископаемый богатства Украины“—прив.-доц. А. С. Огородовского.

„Природа и население Слободской Украины Харьков. губ.“, пособие по роднознавднню. Въ составленіи принимаетъ участіе прив.-доц. А. С. Огородовскій, Д. К. Недзевъ, В. Г. Аверинъ, проф. В. И. Таліевъ и др.

„Животный міръ Украины и смежных мѣстностей“—ч. I. Позвоночныя. ч. II. Безпозвоночныя. Принимають участіе проф. А. И. Никольскій, В. Г. Аверинъ, проф. П. П. Сумський и др.

Намѣченъ рядъ темъ по разнообразнымъ вопросамъ естествознанія для популяризаціи въ широкихъ массахъ населенія.

Соціально-экономическая библиотечка

подъ ред. доц. І. А. ТРАХТЕНБЕРГА.

М. Н. Соболевъ—„Кредитъ и его роль въ народномъ х-вѣ“
М. Ф. Крамаревскій—„Мелкій кредитъ и его значеніе“
П. И. Лященко—„Мелкій кредитъ и сельское хозяйство“
А. С. Векслеръ—„Кооперация и хлѣбная торговля“
А. Н. Андиферовъ—„Исторія кредитной кооперации въ Россіи“
И. М. Хотиевичъ—„Кооперация въ Галичинѣ“.

А. А. Богомоловъ—„Земство, его значеніе и задачи“.

Г. Циперовичъ—„Синдикаты и тресты“.

І. А. Трахтенбергъ—„Бумажные деньги“.

А. Любимовъ—„Утопическій и научный социализм“.

Школьно-педагогическая библиотечка

подъ ред. А. Г. ПАНАДІАДИ.

Проф. Сумцов, О. М. Плевако і проф. Багалій—„Літературна українська хрестоматія“.
Орфографическій и русско-украинск. словари. Учебники для высшей и низшей украинскихъ школъ.

Украинскіе классики.

Русскіе классики.

Драматическая литература оригинальная и переводная.

Литература о народныхъ домахъ, просвѣтительныхъ о-вахъ и проч.

Сельско-хозяйственная библиотечка

подъ ред. проф. А. П. ЧЕЛИНЦЕВА.

Книги по экономіи, организаціи, техникахъ сельскаго хозяйства, общественной агрономіи и сельско-хозяйственной кооперации.

На книжномъ складѣ „СОЮЗЪ“ имѣется: Литература по всѣмъ вопросамъ кооперации и разнообразнымъ отраслямъ знаний: Уставы кооперативовъ: Счетоводные бланки и книги: Календари.

Адресъ издательства: Харьковъ, Николаевск. площ., № 9. Адресъ книж. склада: Харьковъ, Московская ул., № 18.

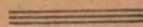

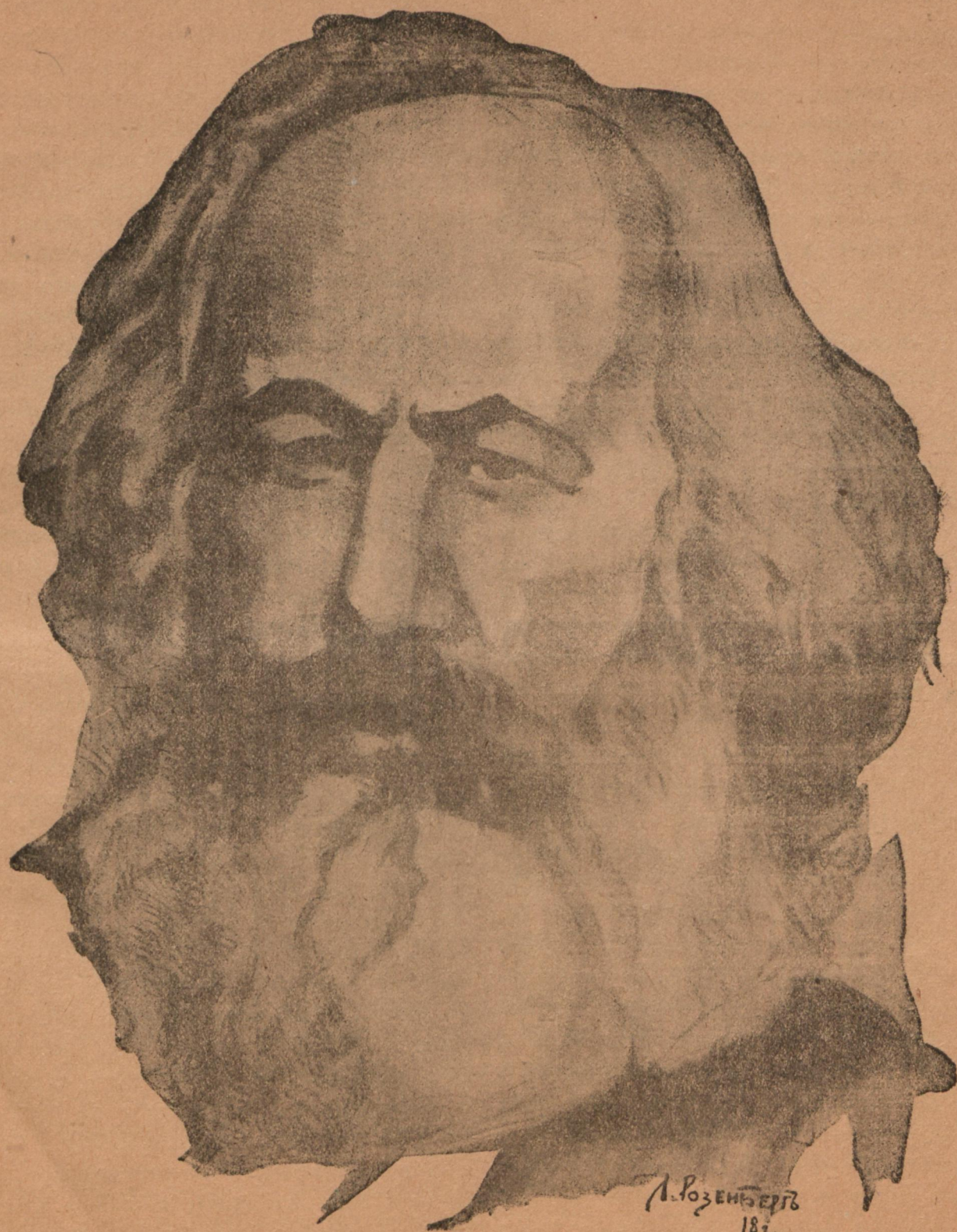
Въ журналъ „КОЛОСЬЯ“

печатаются „ВОСПОМИНАНІЯ“

Феликса КОНА, которыя выйдутъ въ
свѣтъ отдельной книгой въ издат.

„Соціалистической Мысли“. Въ отдѣлѣ
„РОССІЯ ВЪ ОХРАННОМЪ ОТДѢ-
ЛЕНІИ“ помѣщаются документальныя
данныя архивовъ охранныхъ отдѣленій,
характеризующія въ біографіяхъ и пор-
третахъ дѣятелей современной Россіи,
а также наиболее интересныя циркуля-
ры, донесенія и агентурныя сообщенія.

Л. РОЗЕНБЕРГЪ
1871.

Карл Маркс.

КАРЛЪ МАРКСЪ

(1818—5 мая—1918).

„Попробуй, усумнись въ твоихъ богатыряхъ
Доисторическаго вѣка,
Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье—два-три человѣка“....

Врядъ-ли есть человѣкъ, къ которому эти слова поэта болѣе примѣнимы, чѣмъ Карлъ Марксъ.

„Человѣчество стало ниже на цѣлую голову—писалъ на другой день послѣ его смерти Фридрихъ Энгельсъ—при томъ на самую геніальную изъ всѣхъ головъ, какими оно располагало въ послѣднее время“.

„Я не могу себѣ представить, что этотъ геніальный умъ пересталъ оплодотворять своей огромной мыслью пролетарское движеніе всего міра. Всѣмъ, чѣмъ стали мы, чѣмъ стало современное движеніе, мы обязаны ему, его теоретической и практической работѣ; безъ него мы до сихъ поръ оставались-бы въ безпомощной растерянности“.

Сто лѣтъ прошло со дня рожденія Маркса, тридцать пять съ момента его смерти и, тѣмъ не менѣе, тяжесть этой потери еще до сихъ поръ сильно ощущается, до сихъ поръ весь мыслящій міръ объединенъ въ одномъ тяжеломъ вздохѣ:

„Какое сердце биться перестало,
Какой свѣтильникъ разума погасъ!“.

Когда мы пишемъ эти строки, пресса всего міра посвящаетъ характеристикѣ великаго учителя цѣлыя статьи, изслѣдованія. И тѣмъ не менѣе, этого великаго моря этими ложками не исчерпаешь... Мы менѣе, чѣмъ кто либо, можемъ ставить себѣ такую задачу... Единственное, чего мы желали бы достигнуть—это бросить лучъ свѣта на тѣ условія, которыя зажгли этотъ великій и яркій свѣтильникъ, которыя заставили этого великаго и чуткаго человѣка отряхнуть со своихъ ногъ прахъ того класса, къ которому онъ принадлежалъ и по рожденію и по воспитанію, и слиться съ рабочимъ классомъ, стать его душой, его мыслью, которыя вспоили и вскормили этого генія, внесшаго, по выраженію Меринга, жизнь въ науку и науку въ жизнь.

Кто заронилъ въ чуткую, отзывчивую душу Маркса первыя искорки революціи?... Не мать, сердечная, но простая женщина, и не отецъ, нѣжный, мягкій, но отнюдь не революціонеръ, а, наоборотъ, вполне лояльный нѣмецкій и даже прусскій патриотъ... Но... „Карлъ Марксъ родился 5 мая 1818 г. въ Трирѣ“, какъ начинаютъ обыкновенно его жизнеописаніе его біографы. Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ кроется весьма многое. Это значитъ, что его ублаживали въ дѣтствѣ ко сну проникавшіе

сквозь всѣ поры изъ революціонной Франціи въ сосѣднюю съ ней нѣмецкую область пѣсни то ликующаго, то скорбящаго революціоннаго народа... Это значитъ, что Марксъ начиналъ жить, мыслить, бороться и страдать—въ то знаменитое время, когда все было пущено въ ходъ: и королевскія мантии, и епископскія тиары, и рыцарская броня—лишь бы угасить пылавшій революціонный костеръ, лишь бы мертвой сѣрой золой засыпать и придушить всѣ народные порывы, всю цѣной крови добытую свободу. Раскаты революціоннаго грома проносились изъ края въ край, отъ одного конца Европы до другого... Запылалъ югъ... Италія, Испанія, Греція... Въ Россіи разразилась декабрьская революціонная буря... Вновь разразился ураганъ возстанія въ Польшѣ... Надъ Франціей запылали зарницы утопическаго социализма, и пролетаріатъ, ослѣпленный ими, бросился въ бой за свое освобожденіе... Въ Англіи воздвигнуты первые рабочіе окопы—рабочіе союзы, слившіеся воедино и ринувшіеся въ бой за освобожденіе, за коммунизмъ...

Активнаго участія родина Маркса, Германія, въ то время еще не принимала въ этой бурѣ, самонамѣнныя отзвуки на нее душились въ крови, но роковой часъ близился и для Германіи, остатки феодализма подъ напоромъ жизни рушились, капитализмъ вступалъ въ свои права, желѣзнодорожные рельсы, какъ свадебныя ленты, по образному выраженію поэта Карла Бека, какъ свѣже отлитыя обручальныя кольца, связали отдѣльныя нѣмецкія страны... Плугъ и борона капитализма разрыхлили землю... На горизонтѣ появились первыя ласточки, первые вѣстники „весны народовъ“... Въ числѣ этихъ первыхъ вѣстниковъ былъ и Карлъ Марксъ... Начавъ работать въ „Rheinische Zeitung“ онъ сразу своими дарованіями, глубиной мысли и темпераментомъ обращаетъ на себя вниманіе и друзей и враговъ, и осенью 1842 г., будучи 24-лѣтнимъ юношей, становится ея редакторомъ... Ex ungue—leopem! Уже въ этихъ первыхъ статьяхъ виденъ будущій Марксъ, сочетающій яркость красокъ съ глубокой мыслью, умѣющій въ нѣсколькихъ строкахъ дать картину цѣлаго общества, цѣлаго государства. „Картина взаимнаго тупого гнета всѣхъ социальныхъ сферъ другъ на друга, всеобщаго бездѣтельнаго недовольства, ограниченности, столько же высоко цѣнящей себя, сколько ошибающейся на свой счетъ,—все это, оправленное въ рамку правительственной системы, которая живетъ консервированіемъ всякихъ ничтожествъ и потому сама

является ничѣмъ инымъ, какъ ничтожествомъ во власти“. Короче и ярче изобразить картину, чѣмъ это сдѣлалъ въ этихъ строкахъ Марксъ,—немыслимо...

Удивительно-ли, что „королевскія министерства, стоящія во главѣ цензурнаго дѣла“,—задушили „Рейнскую газету“, задушили за то, что въ ней „явно господствовало намѣреніе подорвать государственное устройство въ его основѣ, поколебать монархическій принципъ, набросить подозрѣніе на правительство въ общественномъ мнѣніи, натравить одни сословія на другія, пробудить недовольство существующимъ законнымъ порядкомъ“.

Закрытіе газеты сослужило Марксу и въ его лицѣ всему международному пролетаріату огромную службу. Онъ переѣхалъ въ Парижъ и, по образному выраженію т. Меринга, „нырнулъ во французскую жизнь и поплылъ по ея волнамъ, какъ сильный корабль, который въ концѣ концовъ попадаетъ въ открытое море“...

Здѣсь, плавая по этому бурному морю, Марксъ становится тѣмъ Марксомъ, который такъ дорогъ пролетаріату всего міра.

„Мы не предвосхищаемъ догматики міра—говорить онъ,—а хотимъ лишь изъ критики стараго міра найти новый“.

„Мы изъ принциповъ міра развиваемъ для міра новые принципы“.

„Мы только показываемъ міру, за что онъ собственно борется, а сознание есть вещь, которую онъ *долженъ* себѣ усвоить, если даже не хочетъ этого“...

Плавая по бурному французскому морю, Марксъ встрѣчается съ другимъ гигантомъ мысли—Энгельсомъ... Корабль, на которомъ онъ плаваетъ—„Deutsch-Französische Jahrbücher“, котораго онъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ являются кормчими, а въ каютахъ котораго размѣстились Гейне, Гервегъ, Іоганнъ Якоби и др., впервые вывѣшиваетъ знамя материалистическаго пониманія исторіи. Это знамя еще не блещетъ яркостью... но первые зародыши этого ученія уже на немъ отчеканены...

Дѣятельность Маркса въ Парижѣ продолжалась недолго.

Прусское правительство дѣлало все возможное, чтобы подводными рифами и скалами разбить его корабль. По проискамъ прусскаго монарха, при позорномъ содѣйствіи Александра фонъ-Гумбольдта, по предписанію Гизо, Марксъ долженъ былъ въ 24 часа покинуть предѣлы Франціи.

„Въ это время уже волны общественнаго моря были всколыхнуты... Въ воздухѣ уже чувствовалось приближеніе освѣжающей бури 1848 года. Повсюду какъ зарницы вспыхивали тайные союзы и общества, нелегальныя изданія, велась усиленная устная и печатная пропаганда и агитація... Одно изъ такихъ

обществъ, „Союзъ Справедливыхъ“, постепенно измѣняя свой идейный обликъ отъ туманнаго расплывчатаго идеала „справедливости“ до социализма, преобразилось въ „Союзъ Коммунистовъ“... Въ такомъ Союзѣ Марксъ могъ уже принять дѣйственное участіе, и на второмъ съѣздѣ этого союза въ ноябрѣ 1847 г. онъ формулируетъ свое социалистическое credo. . . . Великій историческій моментъ... смерти утопическаго и рожденія научнаго социализма... Для многихъ этотъ рефератъ Маркса былъ откровеніемъ. Потрясенные, изумленные, но и очарованные члены съезда поручаютъ ему вмѣстѣ съ Энгельсомъ составить программу „Союза“, и на свѣтъ появляется знаменитый „Манифестъ Коммунистической партіи“... Пролетаріатъ обрѣтаетъ свое великое знамя... Изъ края въ край проносится кличъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Въ этомъ манифестѣ развита и теорія развитія рабочаго класса, и сущность классовой борьбы и историческія задачи пролетаріата...

Это монументальное, несмотря на свои незначительные размѣры, произведение появилось въ февралѣ 1848 г., а нѣсколько дней спустя вспыхнула французская революція... Марксъ мчится въ Парижъ... но революціонное пламя разгорается...

Возстаетъ Берлинъ, пылаетъ вся Германія, король капитулируетъ и подписываетъ актъ о созывѣ Учредительнаго Собранія... Вѣчный скиталецъ Марксъ переѣзжаетъ въ Кельнъ, становится редакторомъ „Новой Рейнской Газеты“, принимаетъ живѣйшее участіе въ революціонномъ движеніи и, отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что эта революція можетъ быть только буржуазной, стремится лишь къ тому, чтобы сдѣлать ее наиболѣе демократичной, наиболѣе выгодной для рабочаго класса...

За эту дѣятельность, за призывъ къ населенію не платить налоги, послѣ того, какъ правительство, въ послѣдствіи окрѣпшее, осмѣлилось разогнать Учредительное Собраніе, Марксъ попадаетъ на скамью подсудимыхъ, а затѣмъ вновь покидаетъ Германію и переѣзжаетъ въ Парижъ. Но правительство демократической французской республики ничуть не лучше германскихъ полудеспотовъ. Марксъ во второй разъ высылается изъ столицы Франціи и вынужденъ уѣхать въ Лондонъ...

Всѣ эти потрясенія и невзгоды какъ бы только еще болѣе закаляли желѣзную энергію и волю Маркса... Онъ продолжаетъ свои научныя изслѣдованія и продолжаетъ свою революціонную дѣятельность...

По словамъ Энгельса, завѣтной мечтой Маркса было создать рабочій союзъ, который охватилъ-бы самыя передовыя страны Европы и Америки и который бы воплощалъ международный характеръ социалистическаго движенія, пролетаріату въ одобреніе его врагамъ на страхъ.

И эта мечта сбылась. Возникъ первый интернаціоналъ!

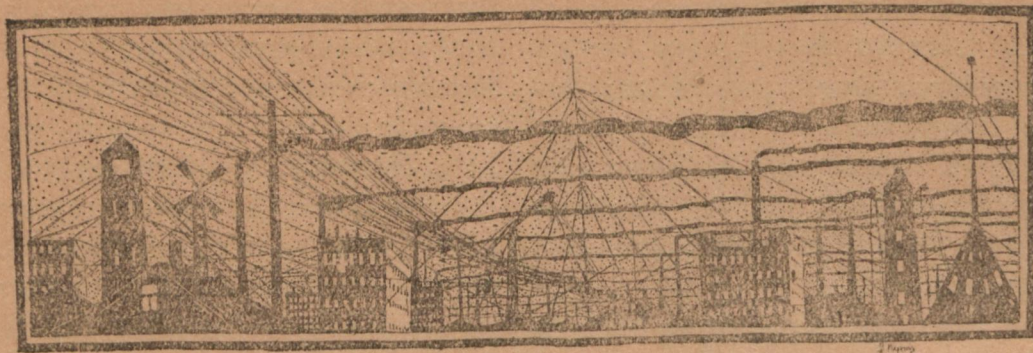
Главой этого интернаціонала былъ Марксъ... Писать о его роли въ интернаціоналѣ—это писать исторію интернаціонала, но достигнутому осуществленію своей мечты суждено было пережить свое дѣтище... Первый интернаціоналъ распался, а когда возникъ второй интернаціоналъ—великаго учителя уже не было въ живыхъ... Онъ умеръ въ 1883 г.— за шесть лѣтъ до возникновенія этого второго интернаціонала...

Нынѣ и этотъ второй погибъ—какъ первая и самая тяжелая жертва всемірной войны... но не погибла идея! Живетъ и будетъ жить вѣчно великій Марксовскій кличъ:

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь...

И этотъ кличъ не прозвучитъ безъ отклика... Это соединеніе осуществится, и подъ ударомъ этихъ соединенныхъ пролетаріевъ разрушится капиталистическій строй, и мозолистыми рабочими руками будетъ созданъ новый—соціалистическій!

Н. О. Н.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ТРАГЕДІИ „СЕРПЫ“.

АКТЪ II.

ПРОРОКЪ:

Свинцовая раскалена печать
и, зашипѣвъ, отпечатлѣлась въ кожѣ,
и, точно горнъ, рубецъ кровавый пышетъ,
прижавшійся къ безплодному соску.
Но каплетъ пламенѣющее млеко
мнѣ подъ ноги на всѣхъ моихъ путяхъ,
и стопъ моихъ пергаментная кожа
осыпана въ пыли изсохшей кровью.
Глаза другихъ скользятъ по ровнымъ строкамъ,
сердца другихъ скользятъ надъ звонкимъ словомъ,
а я—утесы словъ и иглы мыслей
ощупаль всѣмъ моимъ избитымъ тѣломъ,
я изглодалъ желѣзные просфоры,
вѣками скованныя для меня.
Я былъ на той горѣ. Оттуда видѣлъ,
какъ вѣютъ рудной золотою зернью
богатства неисчислимыхъ царствъ.
Я слышалъ голосъ, предлагавшій злато,
сулившій славу, власть. Но жгла мнѣ пальцы
точившаяся изъ ожога кровь,
и горькою я обтиралъ полыню
ожженныхъ, израненныхъ ноги.
Я видѣлъ обгаренные колеса,
я видѣлъ дыбы душъ, жаровни тѣла,
я чуялъ Бога въ облакѣ проклятій.
Ихъ шопотомъ змѣинымъ оклубясь,
весь оцетинился онъ лютымъ гнѣвомъ
и человѣка жегъ своимъ жезломъ.

Желѣзо тупо разрывало ткани,
какъ орлій клювъ на печень Прометея,
кидалось яро, проникало въ нѣдра,
кромсало все, дробило позвонки.
Но не мольбы исторглись человѣкомъ
изъ прикипѣвшаго кроваво горла,
а новыя безмѣрныя проклятья
клубились дымами и застилали,
какъ дымъ отъ Каинова алтаря,
иные дымы—Авелевыхъ агнцевъ...
Ты виноватъ, Іегова изступленный,
что въ тяжкій бой отъ вѣка возметенный,
вступилъ съ отвергнутой отъ вѣка волей:
ты создалъ все; ты могъ пребыть недвижнымъ.
Ты жаждалъ самохвальныхъ упоеній,—
ты сомнѣвался въ божествѣ твоёмъ.
Но въ первомъ плескѣ, въ первомъ камнѣ міра
уже лежалъ весь распыленный—я,
тобой нежданный я, я—безпощадный,
я—гнѣвный, я—сожженный, дико—жадный,
я—обвинитель твой и судія.
Не ты ли хлынулъ волнами потопа?
Не ты ли змѣй порасплодилъ на пашняхъ?
Не ты ли чумно задышалъ надъ міромъ?
Не ты ль гремѣлъ послѣднею войной?
А нынѣ—эти каменные стога,
стекломъ безглазымъ скованное небо,
машиной взнузданные водопады,—
нерасторжимый, неизбывный плѣнъ.

А мириады,—кто исчислить, взвѣсить?—
людей, чей мозгъ насквозь пропитанъ болью,
людей, чье тѣло—громовые бопли,
висящіе въ гнилыхъ пустотахъ душъ.
Ты не считалъ задушенныхъ поэтовъ,
ты не слыхалъ истерзанныхъ пророковъ,
ты не видалъ тѣхъ матерей, чьи рты
сосали кровь извергнутыхъ до срока.
Но нѣтъ, ты видѣлъ, зналъ. Ты смѣлъ метаться,
ты смѣлъ витать надъ опаленнымъ міромъ,
о голову его крушить скрижали,
гдѣ въ камень вкованъ каменный законъ.
Но не напрасно кровь моя точилась,—
не пустота въ моемъ рождалась сердцѣ:
оно круглилось пламенною чашей,—
неся въ себѣ, ее приѣмлю я.
Ты ждешь алтарныхъ звонкихъ восклицаній,
ты ѳиміамовъ жаждешь благовонныхъ,—
я дамъ тебѣ ихъ,—отпусти людей.
Моею волей я наполню храмы,
я сотворю колѣнопреклоненія,
весь міръ тебѣ прозвякаетъ кадиломъ,
твой обликъ передъ міромъ измѣню я,—
твой грѣхъ я принимаю на себя.
Какъ тотъ забытый галилейскій плотникъ,

чья боль безплодно затерялась въ даляхъ,
на новый крестъ взойду я неприклонно,
твой грѣхъ я принимаю на себя.
Я обману людей. Я ихъ увѣрю.
что въ злобѣ подлой я и стая предковъ
ковали козни звѣрскія и чашу
горящихъ углей сыпали на міръ.
И пусть проклятыя всѣ, всю боль и ярость
разверзнетъ міръ надъ головой моей,
пусть девять сутокъ на крестѣ вишу я,
пусть девять копій мнѣ ребро пронижутъ,
пусть мнѣ не возведутъ высокихъ храмовъ,
не призовутъ меня на литургіи,
пусть имя, что ношу я, вѣчно будетъ
подобнымъ имени Искаріота,
и новый Дантъ меня съ проклятьемъ ввергнетъ
въ девятый кругъ извѣчныхъ отверженій,—
твой грѣхъ я принимаю на себя.
И пусть вѣка вѣковъ въ провалѣ черномъ
мой трупъ грызутъ другіе мертвецы,—
я за тебя снесу лихіе гнѣвы,
и ликъ твой снова засіяетъ свѣтомъ,
и люди припадутъ къ тебѣ съ молебномъ,
твой грѣхъ приму я,—отпусти людей.

Георгій Шенгели.

ЛИТТА.

Мнѣ богиня безумія Литта
Подарила кровавый вѣнецъ,
И душа моя страхомъ обвита—
Я слѣпой, я безумный пѣвецъ.

—Будь со мною,—богиня сказала:
—Загляни въ мои очи скорѣй.
И въ молчаніи краснаго зала
Все кружилась быстрѣй и быстрѣй.

Съ отвращеньемъ и жадной тоскою
Я тревожно приблизился къ ней.
Меня Литта ласкала рукою,
И кругомъ было много огней.

И стояли два черные трона—
Я на каждомъ увидѣлъ себя...
О, прекрасная вѣчно Мадонна,
Я забылъ Тебя, Литту любя!

Во дворцѣ моемъ—Литта слѣпая,
И отравлено сердце мое...
Помоги же, Мадонна святая,
Отъ меня изгони Ты ее!

Я люблю на вѣнцѣ хризолиты,
На моемъ же—кровавый рубинъ...
И увидѣлъ божественной Литты
Я безумныя очи одинъ.

Но смертельно безумія жало,
И ужасенъ тяжелый вѣнецъ...
И душа моя Вѣчность видала—
Я слѣпой, обреченный пѣвецъ.

Дэвайонъ.

ШЕВЧЕНКО И ГАЙДАМАКИ.

(Силуетъ на фонѣ современности).

I.

Въ знойные лѣтніе мѣсяцы 1848 года революціонный Парижъ догоралъ послѣдней вспышкой возстанія за социализмъ.

Въ крови и боли вставали новые сумеречные дни надъ разбитыми баррикадами, надъ побѣжденнымъ народомъ. Скованные плѣнники буржуазной республики тысячами шли на разстрѣлъ и въ каторгу, съ сухими, безъ слезъ, горящими глазами, угрюмые, упрямые, сломленные, но не покоренные.

Побѣжденный въ бою рабочій не знаетъ ни слезъ, ни отчаянія. И въ годы первой великой революціи во Франціи красная шапка тулонскихъ каторжниковъ, поднятая на концѣ якобинскаго копья, была знакомъ свободы и презрѣнія къ палачамъ.

Въ мѣсяцы, когда военные крейсера второй республики увозили парижскихъ революціонеровъ на колониальную каторгу, въ негѣдомой никому русско азіатской крѣпости Косъ-Аралъ каторжникъ Шевченко исходилъ слезами въ тоскѣ о волѣ своей и своего народа, родной Украины, тогда по казенному называемой, Малой Россіи.

Какъ огромная сплошная царская каторга, распростерлась душная рабская Великая Россія, своими свинцовыми окраинами покрывая и угнетая когда-то свободные народы.

Безъ просвѣта въ будущемъ, но съ ослѣпительно яркими зарницами догорѣвшаго романтическаго прошлаго, безъ воли и силы къ борьбѣ, навсегда неспособный къ самоосвобожденію, истекая кровью и слезами, замученный народъ Украины заставлялъ каторжника Шевченко говорить за себя о своихъ страданіяхъ.

Шевченко часто плачетъ. Слезы—главная эмоція его душевной муки. Почти каждая поэма унижена жемчугомъ слезъ. Почти каждое стихотвореніе рождено въ слезахъ.

Есть что-то утомительное и докучное, что-то болѣзненное въ этомъ неустанномъ плачѣ.

И довелось когда-то мнѣ
Въ чужой далекой сторонѣ
Заплакать...

.....
Когда бъ увидѣлъ, угадалъ
Веселое и молодое,
Я зарыдалъ бы...

.....
Думы душу окружаютъ
И капаютъ слезы...

.....
...я заливаю

Кровью и слезами
Свое горе на чужбинѣ.

Кровь и слезы! Залитая слезами и окровавленная поэзія...

Постоянный душевный мракъ, болѣзненная склонность къ плачу не пришли къ Шевченкѣ отъ народа. Тамъ, гдѣ онъ стилизуетъ народную пѣсню, онъ почти никогда не говоритъ о слезахъ, но едва только выступаетъ на поверхность ритмическихъ строкъ собственное чувство, пережитое или вложенное въ изображенное лицо, какъ сейчасъ же стихи увлажняются слезами.

Народъ сильнѣе своего поэта...

Впрочемъ, развѣ Шевченко народный поэтъ въ смыслѣ непосредственнаго сліянія съ народомъ? Конечно, у него была только одна любовь, и эта любовь—Украина. Конечно, онъ не думалъ никогда ни о чемъ больше, какъ о родной странѣ. Но онъ же не зналъ ея! Онъ покинулъ Украину, когда былъ

еще духовно незрѣлымъ юношей, когда въ немъ еще не сложился ни человекъ, ни поэтъ. Украина снилась ему отдаленно и неясно. Онъ не зналъ ея. Исторію Украины онъ представлялъ себѣ въ легендарно-сказочныхъ контурахъ пѣсенъ лириковъ, историческія поэмы писалъ съ грубыми ошибками, самъ чувствуя это и извиняясь передъ читателемъ. Народъ и страна казались ему какимъ-то отдаленнымъ миражемъ, прекраснымъ, несравненнымъ отзвукомъ дѣтства и юности.

Въ крѣпости у непривѣтнаго безлюднаго страшнаго моря, у края выжженной солнцемъ проклятой степи, онъ поетъ въ одинокомъ экстазѣ, какъ въ бреду, какъ ясновидящій, какъ углубленный во мракъ своихъ незрячихъ очей слѣпецъ-лирикъ, подслушанную когда-то украинскую пѣсню. Но къ чистому золоту народности примѣшивается нѣчто, не имѣющее съ Украиной ничего общаго. Литературнаго образованія Шевченко не имѣлъ. Тѣмъ легче ему было подпасть подъ вліяніе искусственныхъ художественныхъ международныхъ образцовъ, выработанныхъ романтизмомъ и пригодныхъ для ювелирной шлифовки поэзіи каждаго отдѣльнаго народа.

Нѣмецкіе и англійскіе романтики выработали условную манеру погруженія въ стихію народнаго творчества, создали условные образы и поэтическіе рисунки, ихъ ученически легковѣрно списывали Гоголь и Шевченко, даже не замѣчая, до какой степени пахнетъ нѣмецкимъ духомъ эта украинская народная поэзія.

Нѣмецкіе и польскіе романтики научили Шевченко баладамъ и легендамъ, вдохновили его на безвкусно-напыщенную поэму о Янѣ Гусѣ, трафаретную, вульгарную, но тѣмъ не менѣе, а, быть можетъ, благодаря этому, чрезвычайно прославленную. Однако, сердце поэзіи Шевченки бьется все не въ затасканныхъ рыбакахъ и голыхъ русалкахъ, не въ классическомъ фальсификатѣ „Неофитовъ“, не въ призывахъ къ Аполлону съ его Музами, не въ высокопарныхъ упоминаніяхъ объ „украинскомъ Вашингтонѣ“.

Все это взято изъ чужого богатства, сдѣлано по образцамъ дешевымъ и привычнымъ, массами выброшеннымъ на международный литературный рынокъ во второй четверти 19-го вѣка.

II.

Было-бы глубочайшимъ неуваженіемъ къ памяти Шевченки видѣть въ немъ только источникъ вдохновенія украинскихъ самостійниковъ и не чувствовать души, пережившей чудовищную трагедію, изошедшей слезами и кровью.

Онъ самъ хорошо знаетъ смыслъ своей поэтической болѣзни: „Если бы я прожилъ свой малый лѣтъ въ томъ украинскомъ раю, ничего не зналъ бы на свѣтѣ, не былъ бы юродивымъ и не проклялъ бы людей и Бога“.

Простыя слова: въ нихъ явственно осязается глубокая и неизлѣчимая душевная рана. Чѣмъ дальше отъ наивной молодости, чѣмъ ближе къ смерти по жесткимъ кремнистымъ путямъ, тѣмъ грознѣе и страшнѣе звучитъ демоническое проклятiе людей и Бога.

Годы отчаянія укрощаютъ человекъ, гнутъ и ломаютъ волю, приводятъ къ тихому смиренію. Не такъ Шевченко. Въ послѣдніе свои годы, накануне смерти, запертый, какъ въ новую тюрьму, въ жестокой сѣрой царскій Петербургъ, онъ рветъ струны своей поэзіи мучительнымъ крикомъ бунта. Онъ ненавидитъ пьяныхъ фельдфебелей царей, и Мѣдный Всадникъ всегда стоитъ передъ его глазами, какъ свирѣпый палачъ Украины.

Петръ Великій отвратителенъ, словно живой человекъ. Маленькая неразумная дѣвочка обрекается въ стихахъ Шев-

ченки проклятію за то, что дала напиться царю, когда онъ рыскалъ по Украинѣ. Каждое напоминаніе о Россіи жжетъ сердце Шевченки. Тамъ, въ этой Россіи, нѣтъ ничего близкаго. И народъ, и правители одинаково прокляты. Богданъ Хмѣльницкій соединилъ Украину съ Россіей—онъ былъ виновникомъ первороднаго грѣха: за это Шевченко хотѣлъ бы утопить его въ болотѣ, грязной свиной лужѣ...

Ненависть къ Россіи превращается къ концу жизни въ огромный жестокой бунтъ. Онъ вздымается, какъ волна, захлестываетъ небо и бьетъ своей кровавой пѣной въ порогъ престола самого Бога.

Былая мечтательность отходитъ, смѣняется чувствами жестокими и страшными. Неясныя грезы о социалистической гармоніи будущаго человѣчества превращаются въ навязчивый багровый кошмаръ: скоро-скоро кони вольныхъ гайдамаковъ раздавятъ копытами трупы помѣщиковъ пановъ...

Библейская пророческая ярость встаетъ изъ подражаній Св. Писанію и ломаетъ неровными звуками мѣрную пѣвучесть украинскаго стиха.

Кошунственные, болѣзненно злобныя молитвы призываютъ проклятіе на головы „всемирныхъ кабатчиковъ царей“. Бить ихъ! бросить ихъ въ подземную тюрьму! Уму и рукамъ рабочихъ на обокраденной и разоренной родной землѣ отдать всю волю и власть!

Пьяные монахи съ блудницами пляшутъ въ стихахъ Шевченки, припѣвая „Аллилуйя“, въ дьявольскомъ хороводѣ, славя сладострастное и сытое монастырское житіе, славословя своего пьянаго Бога.

И, наконецъ, гнѣвъ прорывается въ какую-то необузданную страшную революцію противъ Бога. Она сумрачно вспыхиваетъ въ яростномъ издѣвательствѣ надъ самымъ прекраснымъ и торжественнымъ изъ всѣхъ литургическихъ гимновъ православія.

„Свѣте тихій, свѣте дивный!..“

Въ всемъ тепломъ домѣ спитъ „Свѣте тихій“, законный, обманутый, укутанный въ священническія ризы, добитый тяжелымъ распятіемъ.

Но настанетъ, о, настанетъ время! Вольный и дерзкій гайдамакъ войдетъ въ храмъ мертваго Бога.

...Встрепенись!

И надъ нами просвѣтись!

Просвѣтись! Будемъ, братья,

На портянки ризы драть,

Трубки изъ кадила зажигать,

Чудотворными иконами печь топить,

Кропилами будемъ, братья,

Новый домъ свой выметать.

Еще неслыханный, какой то новый ужасъ вѣетъ отъ этихъ бѣдовыхъ призывовъ. Перебирая въ памяти революціонную публицистику всѣхъ временъ, кошунственную лирику эпохъ Просвѣщеній, даже самыхъ дерзкихъ — итальянскаго и французскаго—я не вспомню ни одного поэта или сатирика, который бы рѣшился на такое жестокое надругательство...

Легко представить себѣ психическій образъ Шевченки, когда его воображеніе ткало эти дикіе образы. Поэтъ, кашляя и задыхаясь, бродитъ,—какъ онъ самъ рассказываетъ въ своихъ предсмертныхъ стихахъ.—по берегу Невы зимой, въ холодѣ, мракѣ, снѣгѣ и видитъ странную картину: дряхлый хромающій солдатъ-инвалидъ гонитъ передъ собой, какъ стадо, толпу дѣвушекъ.

Что это? Дѣвушекъ, жалкихъ, оборванныхъ, голодныхъ, опозоренныхъ, гонятъ, какъ скотъ... Для чего?

Надъ человѣкомъ надругались, распяли свободную душу, окунули человѣчество въ грязное болото, растоптали его достоинство. А Зимній Дворецъ молчаливъ и тихъ, Мѣд-

ный Всадникъ неподвижно мчится на своемъ конѣ, и въ Петропавловской крѣпости заунывно звенятъ куранты.

И вдругъ старикъ Шевченко, замученный каторгой, тоской, болѣзью и разлукой съ мистическимъ раемъ своей родины, грозя, подымаетъ руку и произноситъ слова жестокаго проклятія надъ дворцами Петербурга.

„Будетъ, будетъ судъ! Придетъ казнь на землю, казнь для царей и ихъ слугъ! Долженъ быть судъ... А если нѣтъ, то солнце подымется на небо, чтобы сжечь опозоренную, оскверненную землю“.

Между царскимъ дворцомъ и царской крѣпостью-тюрьмой онъ бродилъ передъ смертью, этотъ пророкъ будущей мести Петербургу, мечталъ о могилѣ призрачнаго города, выдуманнаго Петромъ для угнетенія живыхъ народовъ, города, выстроеннаго на украинскихъ костяхъ, и самъ пугался своихъ галлюцинацій: ему казалось, что два исполинскихъ красныхъ глаза слѣдятъ за нимъ. Нѣтъ, то фонари на крѣпости разсѣкаютъ тьму. Старикъ, по суевѣрной привычкѣ, осѣнялъ себя магическимъ крестомъ, отгонялъ прочь огненноглазого дьявола, и снова ходилъ и снова мечталъ о братствѣ освобожденныхъ рабовъ на будущихъ развалинахъ петербургскихъ дворцовъ.

III.

Крестомъ осѣняетъ себя отъ ночного петербургскаго навожденія и проклинаетъ крестъ. Молится Богу и ненавидитъ его. Шепчетъ молитвы и мечтаетъ о потокахъ крови.

Есть глубочайшее противорѣчіе въ націонализмъ маленькихъ народовъ. Чѣмъ болѣе велико ихъ страданіе, тѣмъ глубже ненависть въ угнетателямъ, и, когда эта ненависть находитъ свой исходъ, она безудержна. Вчерашній рабъ золооляется и самъ становится жестокимъ до неукротимой слѣпой безпощадности. Рабство развращаетъ. Освобожденные маленькіе народы легко опьяняются кровавыми мечтами и сами становятся безжалостными хищниками...

Погибнешь, сгинешь, Украина!

Не оденетъ знака на землѣ.

За что тебя Господь караетъ,

Караетъ тяжко? За Богдана,

И за безумнаго Петра

И за помѣщиковъ проклятыхъ.

Но день настанетъ, день неотвратимой страшной мести! „Вась стиснуть оковами, вась, палачи, приведутъ на село, какъ на веселое зрѣлище. Вась распнутъ на крестъ, разорвутъ, истерзаютъ и кровью вашей сооакъ напоятъ“.

Вотъ основное противорѣчіе въ поэзіи Шевченки. Слезы превращаются въ кровь. Родная, тихая, безропотная, угнетенная, скорбная Украина встанетъ когда то въ будущемъ, чтобы убивать, мстить, рѣзать, пытать, издѣваться, упиваться кровью, жечь и грабить...

Ненависть переходитъ границы вражды къ живымъ людямъ и обрушивается на культурныя цѣнности. Шевченко заставляетъ гайдамака Гонту рушить униатскую уманьскую школу изъ совершенно идеалистическихъ побужденій: она воспитывала католиковъ. За это сгнѣны ея срыты, головы ксендзовъ разбиты о камень, а студенты угодлены въ колодезь.

Что-то темное, анархически-буйное въ этой поэзіи кровавыхъ и чуждыхъ мечтаній. И какъ жалъ, что первопричина всѣхъ бѣдствій, злой Богъ, выдумавшій землю и ея зло, таится такъ недостижимо—высоко въ небѣ!.. Угромо и неистово Шевченко грозитъ небу кулакомъ, выводитъ мертвецовъ изъ гроба, бросаетъ обвиненіе Верховному Существо. „А ты, Всевидающее Око, ты не глядѣло съ высоты, какъ сотнями въ оковахъ гнали въ сибирь невольниковъ святыхъ, какъ распинали, издѣвались и вѣшали? И ты глядѣло на нихъ и не ослѣпло? Ты спишь въ кюгѣ, а цари... Ахъ, будь

они прокляты, эти подлые цари! Я умчусь въ Сибирь, за Байкаль, загляну въ горы, въ шахты, въ бездонные рудники, и выведу васъ, борцы за святую свободу, изъ тьмы, изъ смрада, изъ неволи, царямъ и людямъ напоказъ, выведу на свѣтъ безконечные ряды каторжниковъ“.

Вѣрилъ или не вѣрилъ Шевченко въ Бога? Если вѣрилъ, то гдѣ онъ нашелъ столько черной желчи для имени небеснаго призрака? Если не вѣрилъ, то почему такъ привычно въ его стихахъ упоминаніе божественнаго имени, призывъ къ его помощи? Можетъ быть, богъ раздвоился: одинъ — жестокий, какъ дьяволъ, москальскій богъ, а другой — добрый и благословенный, украинскій ..

Но довольно объ этомъ. Нѣтъ силъ долго глядѣть въ темные провалы ожесточившейся, израненной, мстительной души. Есть что-то невыносимо мучительное въ этомъ поэтѣ, сотканномъ изъ противорѣчій. Всю жизнь плакалъ, — и мечталъ о потокахъ крови. Тосковалъ о братствѣ людей, но любилъ только украинцевъ. Вѣрилъ въ любовь, но въ такую, которая настанетъ послѣ дней отомщенія за историческую несправедливость, послѣ пытокъ, истязаній и боли. Искалъ правду, но какъ?—

„Наточу ножъ, засуну за голенище и пойду искать правды. Пойду не по большимъ дорогамъ, а къ людскимъ поселеніямъ и стану выпытывать правду у жида, у богатаго помѣщика, у подлаго дворянина и у монаха“...

Шевченко просилъ похоронить себя надъ Днѣпромъ. И если бы родные ему гайдамаки захотѣли прославить память національнаго поэта, они должны были бы окружить могильный холмъ висѣлицами, нагромождать исполинскіе курганы изъ череповъ, залить кровью Днѣпръ, чтобы онъ вышелъ изъ береговъ.

Погребите и вставайте,
Кандалы порвите
И враждебной злою кровью
Волю окропите.

Скоро-ли будетъ на Украинѣ та „великая, вольная новая семья“, въ которой не забудутъ „помянуть поэта ласковымъ тихимъ словомъ“? Но путь къ ней лежитъ черезъ проклятіе бога и людей, черезъ смерть и кровь...

IV.

Дѣти мои, гайдамаки!
Свѣтъ широкій, воля,—
Идите, да погуляйте,
Поищите счастья...

Изъ могилъ встаютъ гайдамаки. Стонетъ степь отъ копытъ боевыхъ коней. Воскресаетъ романтическое прошлое. Разукрашенные, въ красныхъ жупанахъ, въ золотѣ подымаются изъ гробовъ атаманы, сотники и гетманы, приходятъ къ Шевченкѣ, садятся съ нимъ за столъ, рассказываютъ, какъ строили Сѣчь, какъ переходили на челнахъ пороги и гуляли по синему буйному морю.

Словно ясновидящій, Шевченко постоянно чувствовалъ себя окруженнымъ призраками гайдамаковъ. Тѣсной сумрачной толпой они стояли возлѣ него, ждали магическаго слова, чтобы начать мятежъ, чтобы выйти на волю, точили и святили ножи, чтобы рѣзать евреевъ, поляковъ и русскихъ.

Въ эллинской эпической Одиссеѣ есть древняя вставка о томъ, какъ царь-скиталецъ сошелъ въ подземное царство, собралъ къ себѣ тѣни мертвыхъ воиновъ, оживилъ ихъ, напоивъ человѣческой кровью жертвы, и они воскресли — жестокие, дикіе, кровожадные, готовые снова убивать и умирать.

Такъ бываетъ въ національныхъ движеніяхъ. Переживъ годы рабства, задушенный народъ возрождается (или меч-

тателямъ кажется, что онъ возрождается...) такимъ же, какимъ застало его начало гнета и рабскаго сна. Обрызганный кровью жертвъ мести, народъ возвращается изъ темной гробницы прошлаго. Возрождается старая одежда, оживаетъ умершій языкъ, воскресають имена, повторяется та же психологія.

Тутъ все ложь. Теперь національное возрожденіе возможно лишь, какъ революція пролетаріата. Иныхъ путей нѣтъ. Ложныя національныя движенія протекають подъ знакомъ романтики прошлаго. Истинныя движенія воодушевляються коммунистическимъ романтизмомъ будущаго.

Украинская поэтическая гайдамацкая романтика съ самаго начала пошла по ложному пути. Уже Шевченко кристаллизовалъ и отчеканилъ ее въ своихъ стихахъ. Воскресеніе совершилось. Но не только распятый богъ — смердящій трупъ Лазаря тоже воскресъ когда-то.

Достаточно было легкаго толчка, чтобы толпы гайдамаковъ вышли изъ гробницъ, озаренныя далекимъ отсвѣтомъ поэзіи Шевченки.

Тогда начинается бурный хаосъ. Современность запутывается въ пестрый клубокъ большевиковъ, гайдамаковъ и нѣмецкихъ солдатъ. Германскій жестокий и могучій империализмъ, красный бредъ большевизма и національная украинская романтика переплетаются въ узорчатой ткани современности, соединяя несоединимое, сливая варварскіе примитивы, утонченную хрупкость теоретическихъ замысловъ и желѣзную поступь повелителей сегодняшняго дня.

Но есть разная романтика. Средневѣковая греза Новалиса нѣжна и мечтательна. Все грубое и угрюмое спадаетъ, какъ червивая короста. Облеченное въ туманно сказочныя ткани возвращается старое, тонкое, хрупкое, грустное, осіянное блѣднымъ свѣтомъ церковныхъ витражей, свѣтлое неземной безтѣлесной любовью, какъ любимыя королями нищія дѣвушки прерафаэлитовъ. Битвы отзвучали, боль пытокъ миновала, костры угасли, раны зажили, злоба и месть затихли...

По инымъ путямъ идетъ Шевченко. Бѣшеная озлобленность, тревожная лихорадка мести, неутолимая жестокость, мрачные пейзажи горящихъ, разстрѣлянныхъ и разграбленныхъ городовъ, улицы висѣлицъ, разгульный мятежъ, силуэты въ потокѣ огня...

„Спускалась ночь. Кругомъ разлился свѣтъ. Это гайдамаки прикурили трубки. Страшно!... Такъ не умѣютъ курить даже въ аду. Рѣка багровѣетъ жидовской и польской кровью. Пылають хижины и дворцы. Судьба караетъ богатыхъ и бѣдныхъ. Гайдамаки наказываютъ! Жертвы стонутъ, плачутъ. Одинъ проситъ пощады, другой проклинаетъ, третій исповѣдуется передъ уже мертвымъ братомъ. Не щадятъ. Казнятъ безжалостно, не жалѣють ни польки, ни еврейки.“

Жестокая подробность: когда никого не осталось въ живыхъ, свирѣпый гайдамакъ Галайда рѣжетъ, вѣшаетъ и поджигаетъ трупы. Палящая жажда крови терзаетъ, какъ священное безуміе. Опьяненный встающей изъ мрака прошлаго картиной, Шевченко торопливо набрасываетъ контуры дикаго пира гайдамаковъ. Они пьютъ и ѣдятъ, а вокругъ смыкается кольцо пожара. Огонь перебрасывается на висѣлицы. На нихъ горятъ и вмѣстѣ съ ними падають къ ногамъ гайдамаковъ истерзанные мертвецы.

За трупы, за проклятыя души провозглашается ироническій заздравный тостъ.

И вдругъ, чтобы углубить и подчеркнуть неистовый ужасъ симфоніи гайдамацкаго мятежа, Шевченко заставляетъ раздаваться среди шума огня, стонотъ умирающихъ и пьянаго гула пирующихъ рѣзкій стремительный напѣвъ народной пѣсни.

„На вгороді постирнак, постирнак;
 Чи я ж тобі не козак, не козак?
 Чи я ж тебе не люблю, не люблю?
 Чи я ж тебе черевичків не куплю?“

Только очень большой талант мог обладать такой жестокостью, чтобы безтрепетно идеализировать гайдамацкий бунт и безмёрно любить его сумрачных героев. Только очень большой талант въ состоянні намѣтити рѣзкіе штрихи контрастовъ, рисовать картины краснымъ и чернымъ, безъ оттѣнковъ, сплошными грубыми красками, и смѣло желать такого національнаго возрожденія Украины, чтобы повторились inferнальные фантазмы Умани и Скутары, Галайды и Гамалѣя.

V.

Поколѣніе за поколѣніемъ ядовитые дурманы этой больной поэзіи вливались въ извилины національнаго мозга. Годъ за годомъ близилъ Украину къ тому моменту, когда кошмары расцвѣли въ дѣйствительность, и Шевченко изъ гроба улынулся воскресшихъ дѣтямъ своимъ гайдамакамъ.

На границахъ далекаго прошлаго и такого же далекаго будущаго воображеніе Шевченки ставитъ вѣхи неистовыхъ гайдамацкихъ возстаній. Его же собственная современность навѣваетъ ему лишь память о прошлыхъ пожарахъ и мечту о новыхъ огняхъ. Пусть не говорятъ, будто Шевченко просто и незлобиво воспроизводилъ образы украинскаго прошлаго, изображая гайдамаковъ такими, какъ они были. Нѣтъ, онъ любитъ ихъ такими, какъ создала ихъ его собственная романтическая мечта. Онъ самъ даетъ завѣтъ художнику:

Надо кровью подрисовать,

Освѣтитъ пожаромъ.

И въ отвѣтъ на тревожное сомнѣніе, на невольное отвращеніе, на безсознательный протестъ противъ неистовыхъ гайдамацкихъ бредовъ, онъ холодно и разсудительно утверждаетъ: „Такъ было, такъ и будетъ“. Отъ времени гибели Трои до нашихъ дней жестокость остается непреложнымъ закономъ, и ничто ей не можетъ поставить границъ.

Съ ребяческимъ восторгомъ слушалъ Шевченко рассказы столѣтняго кобзаря и былъ счастливъ, что славу червонаго украинскаго казачества онъ узналъ тогда и передать внукамъ. Онъ ребенкомъ плакалъ отъ счастья, что были времена гайдамацкой рѣзни, взрослымъ плакалъ, что дремлютъ гайдамаки у враговъ въ плѣну, и наканунѣ смерти снова плакалъ, озаренный надеждой, что вернется ихъ время.

Угнетеніе воспитываетъ жестокость. Повелитель самъ учитъ своего раба возстанію и ненависти. Каторга создаетъ убійцу. Царская каторга воспитала у Шевченки извращенную страсть къ крови и страданію, своему и чужому.

Но такая поэзія народу чужда. Народная революція политической мести не знаетъ. И, конечно, подъ давленіемъ простѣйшихъ націоналистическихъ соображеній вокругъ имени Шевченки сложился литературно-поэтический миражъ, не находящій себѣ никакого правдиваго отображенія въ его поэзіи.

Тотъ Шевченко, котораго канонизировали, какъ украинскаго святого, пережгли въ горниль сантиментально-плоскаго вульгарнаго прославленія, сдѣлали упрощенно-слащавымъ проповѣдникомъ школьныхъ трафаретовъ, не имѣетъ ничего общаго, ни въ чемъ не соприкасается съ человѣкомъ, утолявшимъ жажду не водой, а желчью изъ губки, надѣтой на конецъ копья.

Шевченко—поэтъ для немногихъ, для искушенныхъ въ красотѣ художественныхъ гротесковъ, для умѣющихъ цѣнить красивыя болѣзни человѣческихъ душъ, болѣзни, закованныя въ четкую форму стиха, для внимательныхъ къ отверженной красотѣ, кощунственной и злой. Его родина—пустыня, равнины страха и боли, гдѣ выросли поэтическія сердца изгнанниковъ изъ міра счастья и простодушной радости.

Красная Смерть—его любимая спутница, и духовный міръ Шевченки пусть и мраченъ, какъ изображенныя имъ людскія селенія, гдѣ прошла съ кровавымъ бичемъ жестокая владычица Смерть.

„Весна. Сады зацвѣли, какъ покрытые бѣлой одеждой, какъ умытые божьей росой. Весело землѣ. Цвѣтеть, красуется цвѣтами... А за огородами растутъ, растутъ могилы черныя. Могильщики, зашитые въ осмоленные шкуры, ходятъ по улицамъ, крючьями волокутъ трупы и зарываютъ безъ гробовъ... Потомъ сами умерли и загнили подъ домами. Много времени спустя пришли люди изъ поля и подожгли мертвый городъ. Зеленѣющій садъ смерти загорѣлся, затлѣлъ, и вѣтеръ пепель разнесъ, и не осталось слѣда“.

По мѣрѣ хода жизни, Шевченко погребалъ въ своей душѣ вереницы труповъ цѣнностей, проклялъ все на землѣ и на небѣ и умеръ, какъ послѣдній могильщикъ въ зеленѣющемъ радостномъ саду, гдѣ Красная Смерть прошла въ своемъ опустошительномъ, жестокомъ танцѣ.

А Украина?—Цвѣтущій садъ надъ могилами...

Валентинъ Рожицынъ.

Мы хотимъ найти теперь слова иныя,
 Безконечныя твердыя, какъ сталь,
 Чгобъ могли въ нихъ крикнуть міру всѣ нѣмые,
 Огognaвъ безмолвную печаль.

Мы найти хотимъ въ великихъ потрясеняхъ
 Новый путь для вѣчной красоты,
 Чгобъ, плывя по бурному теченью,
 Не упасть съ надземной высоты.

Но и вновь теперь, подъ вѣтромъ грозной бури
 Мы сольемся съ царственной мечтой,
 И въ любви ея, въ чарующей лазури
 Мы не снимемъ стягъ нашъ золотой.

Тамъ вдали, въ вѣкахъ, за гранью преходящей,
 Мы творимъ потокъ текущихъ грезъ,
 Видимъ мы тамъ солнце восходящимъ
 Средь садовъ Ширазскихъ яркихъ розъ.

Алатръ.

РУБИНШТЕЙНЪ. Достопримѣчательность исключительныхъ размѣровъ. Гордость и украшеніе Харькова. Даръ краснорѣчія такъ великъ, что въ свое время доводилъ до теплыхъ слезъ даже самыхъ закоренѣлыхъ матросовъ. Лучшія свои рѣчи начинаетъ автобіографически: «Мнѣ вспоминается вечеръ много лѣтъ тому назадъ, когда мы вмѣстѣ сидѣли и думали»... По политическимъ убѣжденіямъ очень кротокъ, почти оборонецъ, хотя обижається, если объ этомъ догадываются. По природѣ председатель. Соединяетъ въ себѣ качества очаровательности, грозной повелительности, нѣжныхъ улыбокъ вправо и влѣво и громового голоса, отъ котораго сыплется шутка и дрожатъ кадеты. Страсть къ председательствованію неоднократно приводила къ крупнымъ неприємностямъ для него. Будучи въ областномъ Совдепѣ Криворожской республики, нечаянно началъ председательствовать и чуть было не сталъ президентомъ, но во время испугался и наложилъ на себя церковное покаяніе. Другая его страсть, не менѣе порочная,—Городская Дума. Такъ какъ Дума, вмѣсто головы, имѣетъ пустое мѣсто, то она возглавляется Жакомъ Рубинштейномъ. Каждое утро, выходя изъ дому, онъ прежде всего звонитъ по телефону, чтобы узнать, не разогнана-ли опять Дума, которую бережетъ, какъ любимую мозоль, никому не позволяя на нее наступить. Вслѣдствіе этого едва не былъ умученъ большевиками. Уходя изъ города, они хотѣли взорвать на воздухъ всѣ главные муниципальныя учрежденія: заводы, электрическую станцію и Жака Рубинштейна. Рука Всевышняго спасла городъ отъ траура. Заводы, Рубинштейнъ и электрическая станція попрежнему коптятъ небо,—они трубами, а онъ папиросами, сигарами и всѣми другими способами.

СВѢТЛОВЪ.

— Гдѣ же онъ?

— А вонъ, видите: сидитъ въ уголку, поджалъ ножки, носъ спряталъ въ усы, а глаза въ очки, и скромно улыбается.

Удивительно шутитъ природа... Великихъ людей надѣляетъ крохотными размѣрами. Наполеонъ произносилъ рѣчи къ народу съ лошади. Ивану Ивановичу Свѣтлову для той же цѣли понадобился бы большой индійскій бѣлый слонъ. Сходенъ съ Наполеономъ и своей любовью къ военному дѣлу. Крови, впрочемъ, не проливалъ, и въ партійной дружинѣ, въ эпоху своего командованія, развилъ почти вегетаріанскія наклонности. Незабвенныя картины засѣданія сов. р. и с. деп., происходившихъ съ большевиками, съ текущимъ моментомъ и при благосклонномъ участіи Ивана Ивановича, нуждаются въ новомъ Верещагинѣ. Когда меньшевики начинали слабѣть, Иванъ Ивановичъ легкимъ мановеніемъ руки спускалъ на большевиковъ всѣхъ партійныхъ Поповыхъ, которые и сшибались съ ними въ пыли среди залы, одерживая, по собственнымъ словамъ, неизмѣнныя и блестящія побѣды.

Командовалъ Совдепомъ, командовалъ Городской Управой, командовалъ боевой дружиной, но до смерти сохранилъ умѣренные размѣры, скромный видъ и умиленно-трогательное, но благородно-гордое и задумчивое выраженіе лица, въ какомъ засталъ его художникъ, чтобы наколотъ на булавку и подъ увеличительнымъ стекломъ показать всему міру.

АЛЫЯ ЗАПЛАТЫ.

Пусть рубаха въ алыхъ заплатахъ,
но подъ нею все та же голь...
А костры пожаровъ косматыхъ
зажигаютъ новую боль.

Пусть зарницы полетомъ копій
тучевой прободали сводъ...
Но попрежнему вязки топи
торфяныхъ бѣлесыхъ болотъ.

Къ хомуту привыкшая шея
почитаеъ роднымъ его.
Что Свобода?—Вымыселъ Змѣя,
али Бабы-Яги колдовство?

Наклонились надъ нею съ вилой
разъяренной и воютъ: Распни...
И въ туманѣ надъ родиной хилой
кровью плачутъ грядущіе дни.

Александръ Гатовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ГЛАВА III.

Мои опасенія были крайне преувеличены. Такихъ рабочихъ, какъ Пашксь, было, къ несчастью, весьма немного. Съ тѣми-же, съ которыми мнѣ приходилось въ первое время встрѣчаться, мнѣ не трудно было справиться. Это былъ народъ темный, неразвитый и отличался отъ русскаго рабочаго лишь болѣе горячимъ темпераментомъ, большей революціонностью, извѣстными революціонными традиціями... Эти рабочіе были по столько-же социалистами, по сколько и патриотами. Еслибы въ то время патриоты развили болѣе энергичную дѣятельность, еслибы они платоническіе вздохи замѣнили живымъ дѣломъ,—то въ то время, когда въ рядахъ рабочихъ еще находились повстанцы, какъ, напр., Форминскій, впоследствии осужденный на каторгу, и во множествѣ дѣти повстанцевъ—они могли-бы имѣть успѣхъ... Но тогдашніе патриоты уже успѣли, какъ Петръ отъ Христа, трижды отречься отъ своихъ предшественниковъ—романтиковъ и въ своихъ храмахъ водрузили новое знамя, новый „завѣтъ“. „Грезы о политической самостоятельности нынѣ должны быть замѣнены лишь стремленіемъ къ внутренней самостоятельности“...

Такъ говорилъ тогдашній польскій Заратустра, идеологъ „позитивизма“ Александръ Свѣнтоховскій, такъ говорили патриотическіе пророки, звавшіе на борьбу за завоеваніе не свободы, а рынковъ сбыта товаровъ...

Это завоеваніе могло быть достигнуто лишь при „нормальныхъ условіяхъ“, лишь тогда, когда обрѣтенное спокойствіе, хотя-бы и кладбищенское, не будетъ нарушено никакими народными волненіями... И эти прозаическіе сыны романтическихъ отцовъ звали лишь къ спокойствію, банальными фразами пытались залить малѣйшую вспышку пламени увлеченія, всю энергію направляли на развитіе промышленности...

Имъ и въ голову не приходило, что каждая вновь построенная фабрика—это новая казарма революціонной арміи, это накопленіе горячаго пролетарскаго матеріала... И въ тотъ моментъ, когда ихъ цѣль была достигнута, когда клубы дыма изъ фабричныхъ трубъ, казалось, уже совершенно укутали

лазурное небо, совершенно неожиданно для нихъ изъ душевныхъ рабочихъ казармъ вырвалась пѣснь:

„Смѣло поднимаемъ знамя рабочихъ!“ Съ этого момента доступъ патриотамъ въ рабочія массы былъ закрытъ.

Но въ странѣ, разорванной на части, угнетенной; въ одной части руссифицированной, въ другой германизированной, въ странѣ, пользовавшейся нѣкогда республиканскими свободами, а затѣмъ ввергнутой въ бездну царско-гурковско-апухтинскаго произвола, несомнѣнно, была почва для теченія, впоследствии названнаго социал-патриотическаго... Апостолы этого теченія проникли въ рабочую массу, вначалѣ даже пользовались успѣхомъ, но очень скоро исчезли изъ рабочаго горизонта...

И не-изъ-за того, что у нихъ не хватило умѣнія, энергіи, самоотверженности... Лимановскій, Сосновскій, Выслоухъ, Познанскій, Балицкій не могли быть обвиняемы въ этомъ. Причина ихъ неуспѣха скрывалась въ рядахъ все той-же буржуазіи, которая, совершенно не отдавая себѣ отчета въ настроеніи рабочаго класса и поклоняясь единому божку—золотому тельцу, своими дѣйствіями вырывала съ корнемъ изъ рабочей среды малѣйшее проявленіе чувства національнаго единства...

Съ однимъ изъ такихъ явленій мнѣ пришлось столкнуться у самаго порога своей дѣятельности.

То было въ Апрѣлѣ 1882 г. Единственная, находившаяся еще въ рукахъ поляковъ желѣзная дорога—Вѣнская—по какому-то, можетъ быть, даже самымъ основательнымъ соображеніямъ, рѣшила сократить расходы по производству...

Это «сокращеніе» было поручено нѣкому Альтдорферу. Онъ сократилъ аккордную плату, однихъ рабочихъ совсѣмъ удалилъ, другихъ пытался перевести на худшую и хуже оплачиваемую работу... Рабочіе съ негодованіемъ и возмущеніемъ отвергли эти предложенія. На этой почвѣ, въ связи съ безсовѣстной алчностью патриотической дирекціи, создался конфликтъ. Рабочіе, удаляемые изъ мастерскихъ изъ-за отсутствія работы, по закону, должны были получать при разсчетѣ $\frac{2}{3}$ своихъ взносовъ въ пенсіонную кассу, но этого права лишались удаляемые изъ-за нежеланія подчиняться

распоряженіямъ администраціи, за лѣнь и нерадѣніе. Не имѣли права на возверать своихъ взносовъ и добровольно покидающіе мастерскія..

И вотъ на этомъ прославившійся этимъ Альтдорферъ построилъ планъ своей финансовой политики. Всѣ принятые имъ мѣры были направлены на то, чтобы рабочихъ заставить самыхъ уйти и «сберечь» для управленія жел. дороги ихъ скудные сбереженія... Рабочіе волновались—но это Альтдорфера не смущало, онъ сознательно провоцировалъ столкновение и при объясненіяхъ съ рабочими дошелъ до того, что бросился на одного изъ нихъ съ поднятой рукой... Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу раздраженія... Раздалась звонкая пощечина, отвѣщенная мозолистой рабочей рукой «самому» Альтдорферу, а вслѣдъ затѣмъ началась забастовка...

Перепуганное «патріотическое» управленіе Вѣнской жел. дороги обратилось за помощью къ русскимъ жандармамъ...

И рабочіе и молодежь ожидали, что вся пресса отвѣтитъ на это крикомъ негодованія и возмущенія... Вѣдь этимъ актомъ «сыновья» обращались за помощью и поддержкой къ палачамъ своихъ собственныхъ отцовъ... Но пресса стала на сторону преслѣдовавшихъ и обрушилась на преслѣдуемыхъ, обвиняла рабочихъ въ отсутствіи патріотизма...

Съ этого момента уже прошло 36 лѣтъ. Къ происшедшему тогда событію можно уже отнестись объективно. Огонь негодованія, который тогда пылалъ въ душѣ рабочихъ и молодежи, угасъ и покрытъ пепломъ давности. Но и нынѣ, когда я вспоминаю объ этомъ событіи, когда я вспоминаю о той роли, какую тогда сыграли жандармы, очень быстро ориентировавшіеся въ положеніи и поражавшіе рабочихъ своей кротостью, когда я вспоминаю то горькое чувство обиды за оскверненіе всей святаго святыхъ моей молодости и дѣтства, я не могу не повторить словъ, вложенныхъ въ уста „Перевозчика“ Адамомъ Шиманскимъ: „Негодяи! Возвратите мнѣ мать мою!“. О, какъ сжимались тогда кулаки противъ тѣхъ, кто идеально-чистую любовь къ родинѣ и горячую вѣру втопталъ въ жандармскую грязь! Намъ тогда стыдно стало за своихъ отцовъ... А эти отцы даже не отдавали себѣ отчета въ томъ, что „порвалась цѣпь великая“ и „ударилъ однимъ концомъ по отцамъ, другимъ по сыновьямъ“, что уже тогда ихъ-же собственнымъ заступомъ вырыта была могила—пропасть, которой уже ничто не могло заполнить. Тогда классовая борьба, антагонизмъ классовъ еще не былъ осознанъ... и честь ускоренія процесса осознания несомнѣнно принадлежитъ не самимъ рабочимъ и не социалистическимъ агитаторамъ, а буржуазіи...

Одержанная тогда управленіемъ Вѣнской жел. дороги побѣда для буржуазіи въ цѣломъ оказалась Пирровой... Съ этого момента „интернационалисты“, выпустившіе цѣлый рядъ воззваній и дѣлавшіе сверхчеловѣческія усилія, чтобы установить контактъ съ рабочими массами, окончательно вытѣснили изъ рабочей среды „соціал-патріотовъ“.

Побѣдъ „интернационалистовъ“ не мало способствовало еще одно обстоятельство.

Въ то самое время, какъ въ Польшѣ воцарилось весьма выгодное для имущихъ классовъ рабье спокойствіе, изъ „варварской“ Россіи доносилась грома боя... То было время расцвѣта „Народной Воли“... Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, взрывы на желѣзныхъ дорогахъ, событіе 1 (13) Марта 1881 г., Геройская борьба и геройская смерть на плахѣ русскихъ революціонеровъ, какъ отголоски изъ Россіи, а въ Польшѣ мольбы „отцовъ“ по адресу „сыновей“, чтобы они не поддавались соблазну съ Востока и, какъ „скала“ (выраженіе

А. Свѣнтоховскаго), холодно и твердо отражали налетающіе на Польшу съ Востока удары революціонныхъ волнъ...

Жизнь и смерть, борьба и покорность судьбѣ, движеніе впередъ къ свѣтлому будущему и стремленіе назадъ къ отжитому прошлому,—вотъ синтезъ того, что происходило тогда въ Россіи и въ Польшѣ...

Могъ ли пролетаріатъ, могла-ли революціонная молодежь не склониться въ сторону Востока?

Въ воздухѣ уже тогда чувствовался персхъ... Революціонный матеріалъ уже былъ на лицо, не доставало только организациі—и она возникла.

Образовалась первая социалистическая организациа въ Польшѣ—соц.-рев. партія „Пролетаріатъ“. Ранѣе бывали кружки, кружочки, теперь все это слилось, объединилось, создало единый цѣльный организмъ... Ранѣе объектомъ воздѣйствія были отдѣльныя личности, теперь впервые въ Польшѣ со времени возстанія этимъ объектомъ должны были стать массы.

Этого не удалось осуществить. Но такова была задача, увы,—въ то время благодаря соотношенію силъ въ Польшѣ—неосуществимая и вслѣдствіе своей неосуществимости приведшая въ итогъ къ гибели, къ полному исчезновенію партіи „Пролетаріатъ“.

Самая постановка именно этой задачи имѣла огромное значеніе, намѣтила путь, проложила и углубила русло рабочего движенія въ Польшѣ...

Возникновенію социалистической организациі въ Польшѣ не мало способствовалъ примѣръ Россіи, но изъ Россіи же были позаимствованы приемы борьбы, въ частности—политическій терроръ,—который и въ Польшѣ, создавая наружно иллюзію силы, изнутри, какъ червь, подтачивалъ организацию.

Но это обнаружилось и выяснилось только впоследствии...

На первыхъ порахъ совершенно другая сторона террора занимала молодежь.

До тѣхъ поръ, пока въ Польшу проникали только отголоски террористической борьбы, самопожертвованіе, мужество и мученичество борцовъ не могло не питать новыми соками, усвоеннаго съ дѣтства:

„Dulce et decorum est pro patria mori“.

„Сладко умереть за отчизну!“.

Но когда этотъ вопросъ сталъ въ Польшѣ на очередь дня, передъ многими, и въ частности передо мной сталъ другой вопросъ:

Умереть?—да! А убивать?!

Мы были тогда безупречно чистыми, любящими, готовыми въ любой моментъ „отдать душу свою за други своя“ дѣтьми.

Для насъ вопросъ о террорѣ рѣшался чуть-ли не исключительно въ плоскости личной этики, и одна мысль объ убійствѣ, о лишеніи человѣка жизни, кто-бы онъ ни былъ—вызывала въ насъ ужасъ...

Это была первая капля яду въ моей жизни, какъ революціонера...

Въ программѣ „Пролетаріата“ пунктъ о террорѣ, словно красное пятно на прозрачно свѣтломъ фонѣ, приковывалъ мое вниманіе, не смотря на то, что этотъ пунктъ до поры до времени былъ лишь мертвой буквой.

Я мучился, страдалъ—и эти горькія чувства испортили и отравили самую свѣтлую полоску въ тогдашней революціонной жизни—первую настоящую битву партіи съ царскимъ правительствомъ...

Группа политических каторжан-участников процесса партии „Пролетаріат“:

Г. Дулемба, Феликс Конь, О. Рехневскій, Н. Люра, М. Маньковский.

ГЛАВА IV.

„Кто ребенком въ колыбели оторвалъ
голову гидрѣ,

Тотъ юношей задушитъ кентавровъ“.

Эти строки Мицкевича приходятъ невольно на память, когда вспоминаешь событіе, въ первый разъ за все время существованія Польши всколыхнувшее до самого дна польскія рабочія массы, но одновременно съ этимъ поставившее на очередь дня вопросъ о террорѣ и приведшее къ расколу.

Въ февралѣ 1883 года варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ Бутурлинымъ было издано возмутительное постановление о санитарномъ осмотрѣ всѣхъ женщинъ, работающих на фабрикахъ, заводахъ и въ ресторанахъ, хотя-бы онѣ работали въ одной фабрикѣ, за однимъ станкомъ съ отцомъ или мужемъ... Исключеніе дѣлалось лишь для тѣхъ, за благонравное поведеніе которыхъ поручится владѣлецъ фабрики или завода...

Нанесенное всему рабочему классу оскорбленіе не могло быть оставлено безъ отвѣта. Это сознавалось всѣми... Но въ то время, какъ одни, придавленные сознаниемъ своего безсилія, терзали себя и другихъ вопросами: „что дѣлать?“—на другихъ это распоряженіе подѣйствовало возбуждающе...

„Желають борьбу? Будутъ ее имѣть!“—крикнулъ Варынский подъ первымъ впечатлѣніемъ огорошившаго всѣхъ извѣстія.

Я раза два до этого видѣлъ Варынскаго, пользовавшагося уже тогда, какъ неуловимый съ 1877 года дѣятель, огромной популярностью. Я зналъ его, какъ организатора, какъ блестящаго оратора, какъ полемиста... Но теперь впервые увидѣлъ его въ моментъ „боевого подъема“... Онъ былъ неузнаваемъ... Великій народный трибунъ—онъ какъ бы теперь воспринялъ въ своемъ лицѣ нанесенное рабочему классу оскорбленіе и, словно Мицкевичевскій „Милліонъ“, „страдающій“ и оскорбленный за „милліоны“, жилъ единой мыслью о достойномъ отвѣтѣ... Въ обычное время вождь, въ этотъ моментъ онъ сдѣлался диктаторомъ.

— Желають борьбы? Будутъ ее имѣть!—повторялъ онъ свое первое восклицаніе, включенное имъ и въ изданное и имъ составленное воззваніе къ рабочимъ:

„Рабочіе! Вы не должны допустить этого!—гласило воззваніе... Вы не можете уклониться отъ опасности, угрожающей рабочему классу... Необходимо отразить сдѣланное

на васъ нападеніе, хотя бы пришлось пролить свою кровь ради этого протеста. Лучше смерть, чѣмъ позоръ...“

Мы призываемъ васъ оказать сопротивленіе гнусному распоряженію. Докажите, что вы люди, что вы умѣете защищать свою честь, и что жертвы васъ не въ состояніи запугать...

Они желаютъ борьбы! И будутъ ее имѣть!“.

Это воззваніе было расклеено по всему городу... Рабочіе находили его на своихъ станкахъ и верстакахъ, въ карманахъ пальто, вездѣ.

Неутомимый, я бы сказалъ, незамѣтный въ обычное время, Дулемба*)—„Малый“—какъ мы его называли, проникалъ во всѣ фабрики, рестораны, пивныя, заводилъ бесѣды съ рабочими, объяснялъ, агитировалъ. И уже на слѣдующій день видно было, что это революціонное сѣмя падаетъ на плодородную почву... Рабочіе и работницы кучками начали собираться и въ зданіяхъ фабрикъ и вблизи ихъ, и оживлено обсуждали, какъ быть... Масса шевельнулась... Огонь ничѣмъ не вызванной обиды и грубаго оскорбленія разжегъ сердца. Предстояла борьба!

Но въ Польшѣ не было и не могло быть того заблужденія, на которое мнѣ въ послѣдствіи весьма часто приходилось наталкиваться въ Россіи, обольщенія тѣмъ, что власти „не посмѣютъ“, „не рѣшатся“...

Дѣти польскихъ повстанцевъ, поколѣніе, выросшее въ атмосферѣ „водворенія порядка“ въ Польшѣ, воспитанное на разсказахъ о „подвигахъ“ Муравьевыхъ-вѣшателей, Берговъ, испытывавшее на себѣ приемы управленія Гурко и Алутина, мы знали, что агенты царскаго правительства въ Польшѣ „на все рѣшатся“, „все посмѣютъ“!

И передъ нами возникалъ вопросъ: какъ быть, если первое выступленіе рабочихъ будетъ задушено въ крови, и распоряженіе Бутурлина будетъ приведено въ исполненіе уже хотя-бы ради „поддержанія престижа власти“?

На этотъ вопросъ Варынский, не колеблясь, отвѣчалъ:

— Тогда—терроръ! Бутурлинъ долженъ быть тогда убитъ... Рабочіе тогда воочию увидятъ, кто выступаетъ на ихъ защиту... Только тогда они сплотятся вокругъ партіи!

Всѣ эти соображенія для меня въ то время не существовали. Лично для меня вопросъ стоялъ въ совершенно другой плоскости...

На то, чтобы быть убитымъ—я соглашался, но чтобы убивать самому—нѣтъ...

Я органически не былъ способенъ на убійство—и... оказался въ лагерѣ тѣхъ, которые были принципиальными противниками политической борьбы, „непосредственной борьбы съ правительствомъ“, и которые до этого историческаго момента оставались въ партіи „Пролетаріатъ“, рассчитывая на то, что этотъ пунктъ программы останется лишь... на бумагѣ... Когда же событія дня убѣдили ихъ, что этотъ расчетъ не вѣренъ—произошелъ расколъ... небольшая группа интеллигентовъ во главѣ съ Пухевичемъ и нѣскольکو человекъ рабочихъ откололись отъ партіи и организовали новую партію—„Солидарность“.

Для меня эта партія имѣла въ то время лишь то значеніе, что это была антитеррористическая партія... И только... Этотъ плюсъ покрывалъ всѣ минусы, а этихъ минусовъ было не мало... Партія эта называла себя не „соціалистической“, а „рабочей“, о борьбѣ съ правительствомъ въ программѣ если и говорилось, то лишь между строками; вопросы текущаго дня: борьба за повышеніе вознагражденія за трудъ и улучшеніе условій труда,—превалировали надъ всѣмъ... Да и эта борьба должна была вестись „съ достоинствомъ“, какъ говорилось въ программномъ воззваніи...

*) См. прилагаемую фотографію, недавно найденную въ архивѣ охраннаго отдѣленія.

Составитель этой программы, Казиміръ Пухевичъ, которому была совершенно чужда психологія массъ, какъ бы мыслилъ борьбу рабочаго класса за эмансипацію въ видѣ организованнаго, регламентированнаго заранѣе и зажатого въ опредѣленные, имъ составленные рамки движенія, тихаго, спокойнаго, безъ эксцессовъ, сдержаннаго и выдержаннаго во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ деталяхъ.

«Солидарность» какъ-бы схоронилась въ уютный кабинетъ, въ то время какъ разбушевавшіяся волны жизни съ силой ударили не только по кабинетнымъ, но по всякимъ стѣнамъ...

Настроenie въ рабочихъ кварталахъ поднялось на небывалую со времени возстанія высоту... Пролетаріатъ готовился къ бою... Исполненіе распоряженія Бутурлина было чревато кровопролитными схватками и—оно было отмѣнено. Власть испугалась... Престижъ партіи «Пролетаріатъ» сразу поднялся въ глазахъ рабочихъ... Почва для дѣятельности партіи была завоевана... Земля была разрыхлена, оставалось лишь сѣять, сѣять и сѣять...

Второе воззваніе «Пролетаріата», возвѣщавшее объ одержанной побѣдѣ и призывавшее рабочихъ и работницъ организоваться, было началомъ этого обильнаго сѣва...

Брешь, образовавшаяся въ организаціи, какъ слѣдствие раскола, была вскорѣ пополнена новыми силами, прибывшими на зовъ Варынского изъ Петербурга; привезенныя изъ заграницы контрабанднымъ путемъ брошюры, въ томъ числѣ Млота (Диктейна) «Кто чѣмъ живетъ?» заполнили пробѣлы, давно ощущавшіяся всѣми, и работа быстро подвигалась впередъ...

Работа партіи «Пролетаріатъ»...

«Солидарность», замкнувшаяся въ тѣсныя рамки своей программы, не сумѣла развить болѣе широкой дѣятельности и явно, на глазахъ у всѣхъ, увядала...

Я лично былъ разочарованъ... Я жаждалъ дѣятельности, я сгоралъ отъ этой жажды—а партія бездѣйствовала...

Не было книгъ, даже брошюръ, не съ чѣмъ было обратиться къ рабочимъ; я вызвался сѣздить за границу и привезти книги... Мнѣ разрѣшили это исполнить... Только «разрѣшили», не больше...

Эту вялость я объяснялъ себѣ тѣмъ, что большинство изъ членовъ «Солидарности» какъ разъ въ это время... держало выпускные экзамены на аттестатъ зрѣлости... Это отвлекало отъ партійной работы... Но вотъ мы окончили гимназію, я успѣлъ сѣздить въ Галицію, перевезти транспортъ книгъ, вернуться обратно въ Варшаву, а вялость организаціи не проходила, наоборотъ, какъ-бы усиливалась.

Вдохнуть жизнь въ эту организацію я не могъ—это я сознавалъ ясно—и моя мысль была направлена въ другую сторону, въ сторону провѣрки своего отношенія къ террору... Я воспроизводилъ въ душѣ всѣ ужасы, творимые царскимъ правительствомъ въ Польшѣ, настраивалъ себя на соответственный ладъ и неизмѣнно приходилъ къ тому, что я, какъ мститель обидъ, жертвую собою для дѣла...

То обстоятельство, что я жертвую не только собою, но и тѣмъ, на котораго направлена моя месть, какъ то заволакивалось, стушевывалось... Жажда дѣятельности толкала на компромиссъ, а сознаніе, что этотъ компромиссъ будетъ искупленъ моими же муками и страданіями, дѣлалъ его приемлемымъ...

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ первомъ своемъ литературномъ трудѣ, напечатанномъ въ нелегальномъ органѣ партіи «Пролетаріатъ», я изобразилъ тогдашнее свое душевное состояніе... Въ очеркѣ подъ заглавіемъ «Забастовка», я представилъ уже обычную въ то время картину борьбы труда съ капиталомъ.

Рабочіе дружно забастовали... Фабрикантъ, имѣвшій накопленные запасы издѣлій, не сдавался... Забастовка затянулась... Рабочіе голодали, но продолжали борьбу. Тогда по приглашенію фабриканта въ дѣло вмѣшались жандармы и казаки. Вмѣшательство вооруженной силы поколебало стойкость рабочихъ... Въ этотъ моментъ членъ партіи (конечно, въ моемъ представленіи не кто-либо другой, а только я!) по порученію организаціи взрываетъ на воздухъ фабричныя магазины вмѣстѣ съ караулившими ихъ и обагрившими свои руки въ крови рабочихъ казаками, самъ гибнетъ во время этого взрыва, а запуганный фабрикантъ идетъ на уступки, удовлетворяетъ всѣ требованія забастовавшихъ... Рабочіе побѣждаютъ...

Много мѣсяцевъ спустя прокуроръ, требуя для насъ всѣхъ смертной казни, широко распространялся о нашей, въ частности-же о моей, кровожадности.

Великій знатокъ человѣческой души!

Какъ онъ тонко разбирался въ нашей психологіи!

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ... чего, чего не приходилось испытать за это время... Побѣды смѣнялись поражениями, поражения побѣдами... Воодушевление упадкомъ духа, упадокъ духа воодушевленіемъ... Сколько крови за это время пролито, сколько жизней унесли волны борьбы... Сколько революціонныхъ поколѣній смѣнилось и ушло... Сколько разъ на мою долю выпадало переживать дни молодости...

Все, все переживалось по нѣсколько разъ... Все, кромѣ тогдашней юной, я бы сказалъ, дѣвственной чистоты чувствъ и побужденій, страстной жажды дѣятельности и принесенія себя въ жертву...

Каждый день задержки въ этой дѣятельности я считалъ со своей стороны преступленіемъ. И я разрубилъ узелъ, связывавшій меня съ «Солидарностью». Я зашелъ къ Савицкому...

— Я ухожу отъ васъ... Я не могу больше... меня томить бездѣятельность...

Онъ не возражалъ...

На слѣдующій день я уже былъ въ рядахъ партіи «Пролетаріатъ»...

Феликсъ Конъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

Молчи, не ярествуй, оракуль,
и пѣсенъ коршуна не пой:
на обезславленную шпагу
никто не грянетъ булавой...

И только кашель, только кашель
терзаетъ, пѣнясь и рыча,
забитое кровавой кашей
сухое горло палача.

Діонисъ Помренингъ.

РОССІЯ ВЪ ОХРАННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

Въ мрачное подполье, гдѣ втеченіе десятилѣтій ткали вдали отъ глазъ свою паутину пауки-жандармы, революція внесла лучъ свѣта...

Цѣлая организація продажныхъ людей, имѣющая свои развѣтвленія по всей Россіи, развращавшая малыхъ сихъ, концентрировавшая вокругъ себя всѣ продажныя души, слѣдила за мыслью цѣлыхъ поколѣній, подвергая ее анализу съ точки зрѣнія безопасности царской власти, устраивала черные кабинеты для перлюстраціи писемъ, охотилась за людьми, подслушивала, шпионила и весь собранный матеріалъ группировала, систематизировала по партіямъ, направленіямъ, отгѣнкамъ для болѣе успѣшнаго удушенія Россіи...

Родившіяся во мракѣ, питавшіяся мракомъ и работавшія для мрака всевозможныя охраны накопили въ этихъ подпольяхъ огромнѣйшій матеріалъ, соорудили нерукотворный памятникъ гнили рухнушаго строя. Чего, чего тутъ нѣтъ! И характеристики лицъ, и портреты, и перехваченныя письма, и конфискованныя воззванія и изданія, и жандармскія соображенія, и департаментскія наставленія, и агентурныя свѣдѣнія, и шпионскія измышленія... Все... Вся мыслящая Россія, начиная съ Брешковской, Чайковского, Плеханова, Натансона и кончая двадцатилѣтними юношами, только, только приобщенными къ революціонному движенію...

Люди, прогремѣвшіе на всю Россію и никому неизвѣстные. Никто не укрылся отъ зоркихъ глазъ жандарма... никто и ничто...

Нынѣ и жандармы въ дѣлахъ своихъ не могутъ укрыться отъ глазъ сбросившаго свои оковы народа...

Отдѣльныя страницы, отдѣльные штрихи этой жандармской картины мы воспроизводимъ на столбцахъ „Колосевъ“.

Ф. К.

СПРАВКА. **БРОНШТЕЙНЪ**, Лейба (Левъ) Давидовъ, онъ же Николай **ТРОЦКІЙ** и Яновскій, лишенный всѣхъ правъ состоянія, сынъ колониста, іудейскаго вѣроисповѣданія, русскій подданный, литераторъ. Въ 1898 году Бронштейнъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ производившемуся при Одесскомъ Жандармскомъ Управленіи формальному дознанію о южно-русскомъ рабочемъ союзѣ. Дѣло это разрѣшено высочайшимъ повелѣніемъ 10 октября 1899 года, въ силу котораго Бронштейнъ былъ высланъ подъ гласный надзоръ

полиціи въ Восточную Сибирь на 4 года. Будучи водворенъ въ гор. Верхоленскъ, Бронштейнъ 21 августа 1902 года скрылся и помѣщенъ въ розыскной циркуляръ отъ 1 сентября 1902 г. за № 5530. Въ 1905 году Бронштейнъ послѣ ареста Хрусталева-Носаря замѣнилъ послѣдняго въ качествѣ председателя совѣта рабочихъ депутатовъ и былъ привлеченъ при С.-Петербургскомъ жандармскомъ управленіи къ формальному дознанію объ этомъ сообществѣ. Послѣдовавшимъ по означенному дѣлу приговоромъ С.-Петербургской судебной палаты Бронштейнъ по лишенію всѣхъ правъ состоянія былъ присужденъ къ ссылкѣ на поселеніе и водворенъ въ гор. Березовѣ, Тобольской губ., откуда 20 февраля 1907 года скрылся и помѣщенъ въ розыскной циркуляръ отъ 2 мая 1907 года за № 150007/6. Затѣмъ Троцкій состоитъ редакторомъ газеты „Правда“ и проживаетъ въ Вѣнѣ. Примѣты: ростъ 2 аршина 6 и $\frac{3}{8}$ вершка, тѣлосложеніе средняго. Волосы, усы, брови, борода темно-каштановые, вьющіеся, глаза голубые, близорукъ, носитъ пенсне. Лобъ выпуклый, носъ орлиный, лицо четырехугольное, губы полныя, подбородокъ широкій съ ямкой по срединѣ. Держится прямо.

СПРАВКА. **УЛЬЯНОВЪ**. Владимиръ Ильинъ (кличка „**ЛЕНИНЪ**“), родился въ 1870 году въ гор. Симбирскѣ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго. Въ 1887 году Ульяновъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ исключенъ изъ Казанскаго Университета съ воспрещеніемъ жительства въ г. Казани и съ учрежденіемъ негласнаго надзора полиціи. Первоначально вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ принималъ участіе въ террористическихъ предпріятіяхъ послѣднихъ народовольческихъ группъ, на примѣръ, въ покушеніи на жизнь Государя Императора Александра III, устроивъ у себя динамитную лабораторію. Въ 1895 году Ульяновъ выѣхалъ за границу по паспорту, выданному С. П. Б. Градоначальникомъ отъ 25/III того же года за № 720 и, какъ состоящій подъ негласнымъ надзоромъ, помѣщенъ въ циркуляръ на пограничные пункты отъ 26/V 1895 года за № 4254. Находясь за границей, Ульяновъ вошелъ въ сношенія съ эмигрантомъ Плехановымъ съ цѣлью установить правильное водвореніе въ Россію революціонной литературы, а затѣмъ по возвращеніи въ Петербургъ Ульяновъ участвовалъ въ

составлении статей для подпольной газеты „Рабочее Дѣло“. Въ 1896 г. Ульяновъ привлекался къ дознанію по дѣлу о С-Петербургскихъ преступныхъ кружкахъ социаль-демократовъ. По высочайшему повелѣнію 29 января 1897 года Ульяновъ былъ высланъ въ Восточную Сибирь подъ гласный надзоръ полиціи на три года. По освобожденіи 29 января 1900 года отъ гласнаго надзора, Ульяновъ подчиненъ негласному надзору, и по постановленію особаго совѣщанія 16 декабря 1899 года ему было воспрещено жительство въ столицахъ и С-Петербургской губерніи впредь до особаго распоряженія, а также въ мѣстностяхъ фабричнаго района, университетскихъ городахъ и въ г.г. Иркутскъ и Красноярскъ съ ихъ уѣздами, срокомъ на три года.

16-го іюля 1900 года Ульяновъ по паспорту, выданному Псковскимъ губернаторомъ отъ 5 мая за № 34, выбылъ за границу, гдѣ вошелъ въ составъ Центральнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. и вскорѣ занялъ видное положеніе среди эмигрантовъ. Въ 1901 году Ульяновъ вмѣстѣ съ Юліемъ Цедербаумомъ и Потресовымъ приступили къ изданію печатнаго органа названной партіи подъ названіемъ „Искра“. Въ 1903

году Ульяновъ руководилъ греніями на происходившемъ за границей II съѣздѣ представителей социаль-демократическихъ организацій за границей и въ Россіи. Въ 1907 году Ульяновъ присутствовалъ на 5-мъ общепартійномъ съѣздѣ социаль-демократовъ, состоявшемся въ Лондонѣ. Въ октябрѣ 1908 года Ульяновъ принималъ участіе въ конференціи Международнаго социалистическаго бюро въ Брюсселѣ. Въ 1908 году Ульяновъ участвовалъ въ пленарныхъ засѣданіяхъ Центральнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П., происходившихъ въ августѣ того же года въ Женевѣ, а въ январѣ 1909 года новаго стиля на общерусской конференціи С. Д. Р. П., происходившей въ Женевѣ.

Позже Ульяновъ входитъ въ составъ редакціи центрального органа партіи „Социаль-Демократъ“. Примѣты: ростъ 2 аршина 5½ вершковъ, тѣлосложеніе среднее. Наружностью производитъ впечатлѣніе пріятное. Волосы на головѣ и бровяхъ русые, прямые, усахъ и бородѣ рыжеватые, глаза каріе, средней величины. Голова круглая, средней величины. Лобъ высокій, носъ обыкновенный, лицо круглое. Черты его правильные, ротъ умѣренный, подбородокъ круглый, уши средней величины.

„ЗАПИСКИ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ (ДО 1913 ГОДА). ИЗДАНІЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦІИ. СОСТАВИЛЪ ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ЖАНДАРМОВЪ ПОДПОЛКОВНИКЪ РОЖАНОВЪ. (НЕ ПОДЛЕЖИТЪ ОГЛАШЕНІЮ).“

Какой исполинскій сводъ матеріаловъ положенъ въ основу этой жандармской исторіи русской революціи! Безчисленные циркуляры, агентурныя донесенія, богатые результаты обысковъ по всей Россіи въ теченіе десятковъ лѣтъ. Зоркій глазъ, словно всевидящее око божественнаго провидѣнія, внимательно изучалъ Россію и нелицепріятно собиралъ плоды своихъ наблюденій въ архивы охраннаго отдѣленія.

Какая безграничная наблюдательность! Партійныя программы, уставы, организаціи, сами дѣятели, ихъ письма, ихъ слова, выраженіе ихъ лица, ихъ взаимоотношенія, собранія, споры, каждая прокламація, каждое частное письмо: ничто не ускользало отъ жандармской статистики. Все заносилось по сложной системѣ въ дѣла, въ альбомы, на фишки, все объединялось, обрабатывалось, точнѣйшимъ образомъ излагалось въ этой грандіозной всероссійской черной академіи изученія русской революціи.

Никакая любовь къ прошлому не сможетъ заставить будущихъ людей вновь предпринять этотъ огромный трудъ изслѣдованія революціонной исторіи.

Россія въ охранномъ отдѣленіи изучена, осматрѣна, обискана до мельчайшихъ подробностей. Конечно, простые наемники не въ состояніи были бы исполнить такой тщательной работы. Изъ уличныхъ филеровъ и затравленныхъ провокаторовъ этого человѣческаго механизма не создать было бы. Понадобилось воспитаніе особой породы людей. Нужно было ихъ организовать, обучить, вытравить сердце и замѣнить его точнымъ часовымъ механизмомъ.

Мертвые люди! Безъ страстей, безъ волненій, безъ сожалѣній, безъ душевнаго раздумья. Покорные предписаніямъ, какъ трупы.

Іезуиты предписывали своимъ ученикамъ быть трупами въ рукахъ своихъ повелителей. Такой же орденъ голубыхъ іезуитовъ воспитала старая Россія въ своихъ мрачныхъ нѣдрахъ.

Незадолго передъ своей гибелью этотъ орденъ голубыхъ іезуитовъ поручилъ одному изъ лучшихъ своихъ представителей, безвѣстному, правда, но, по своему, гениальному подполковнику Рожанову произвести сводку всѣхъ свѣдѣній о революціонной

Россіи. Распоряженіе начальства было приведено въ исполненіе. Возникла замѣчательная исторія революціоннаго движенія. Она осталась въ жандармскомъ подпольѣ. Составленная на основаніи совершенно секретныхъ матеріаловъ, она не подлежала оглашенію.

Жандармы для своего освѣдомленія читали эту книгу, можетъ быть, штудировали ее, могли бы сдавать экзаменъ и на немъ давать отвѣтъ о тончайшихъ оттѣнкахъ партій и фракцій, безъ запинки перечислять имена всѣхъ дѣятелей революціи.

Жандармскій авторъ книги исполнилъ свой трудъ со всей тщательностью. Онъ окинулъ взоромъ всемірную исторію и провелъ свою жандармскую точку зрѣнія на всѣ революціонныя событія съ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго дня. Какъ жаль, что вавилонскіе клинописные кирпичи не сохранили слѣдовъ о политическихъ процессахъ! Благодаря этому Вавилонъ выпалъ изъ круга жандармской философіи исторіи...

Впрочемъ, вообще древній міръ не заслуживаетъ вниманія охранника. Дѣло давнее, съ современными судебными процессами ближайшей связи не имѣетъ. Поэтому жандармъ разрѣшаетъ себѣ великолѣпное царственное невѣжество въ области прошлаго. Не сердитесь на него, если онъ думаетъ, будто древній міръ покоился на рабствѣ, причемъ въ Римѣ рабы назывались пролетаріями, а въ Греціи—плебеями!

Не смѣйтесь, если онъ для изображенія временъ „государыни императрицы въ бозѣ почившей“ Екатерины II беретъ за основу показанія свидѣтелей, вродѣ автора гимназическаго учебника.

Моментъ гениальнаго вдохновенія наступаетъ тогда, когда въ руки подполковника попадаетъ матеріалъ о живыхъ людяхъ. Здѣсь онъ въ своемъ царствѣ. Здѣсь онъ знаетъ все. По рубрикамъ и параграфамъ, по хронологическимъ датамъ, по географическимъ границамъ съ математическою точностью распредѣленъ весь матеріалъ, необходимый жандарму, чтобы быть въ курсѣ революціи лучше, чѣмъ какой угодно партійный дѣятель.

Вотъ примѣръ этой строгой, стройной и мертвенно-бездушной исторіи:

„Съ 1909—1913 г. въ Россійской социаль-демократической

рабочей партіи раздоры продолжались и въ этотъ періодъ времени опредѣлились теченія:

I. „Большевики“ раздѣлились на:

1) „Отзовистовъ-Ультиматистовъ“, лѣвое крыло; (лидеры: Богдановъ, Луначарскій и Алексинскій). Они стоятъ за то, чтобы отозвать социаль-демократическую фракцію изъ Государственной Думы или понудить ее (фракцію) проводить въ Думѣ революціонную тактику...

2) „Ленинцевъ“—правое крыло.

II. „Меньшевики“ раскололись на:

1) „Плехановцевъ“—лѣвое крыло.

2) „Ликвидаторовъ“—правое крыло (лидеры: Мартовъ, Данъ). Требуютъ ликвидаціи старой нелегальной партіи для примѣненія „легальныхъ возможностей“, т. е. дѣйствовать открыто черезъ печать, профессиональные союзы и другими способами.

Такимъ образомъ, теченія эти расположились въ партіи такъ:

1) „Отзовисты“—лѣвое крыло.

2) „Центръ“, сложившійся изъ „Ленинцевъ—большевицковъ“ и „Плехановцевъ“, который борется съ обоими крайними теченіями.

3) „Ликвидаторы“—правое крыло.

Нынѣ, хотя партія старается примирить всѣ теченія, перечисленные выше, изъ-за которыхъ возникли несогласія внутри нея, но группа „впередовцевъ“ („отзовисты“), по даннымъ Департамента Полиціи, раскололась изъ-за разногласій между Алексинскимъ и Луначарскимъ. Разногласія эти, хотя возникли на почвѣ культурныхъ начинаній Луначарскаго и приняли внѣшнюю форму спора о чистотѣ Марксизма, въ дѣйствительности носили личный характеръ, благодаря неуживчивому характеру Алексинскаго, благодаря которому вышелъ изъ „группы“ извѣстный экономистъ и бывший членъ Ц. К. Богдановъ. Луначарскій вышелъ изъ группы и редакціи „Впередъ“, чтобы вмѣстѣ со своими сторонниками образовать „новую группу“, вступивъ въ редакцію „Парижскаго Вѣстника“.

Этимъ краткимъ очеркомъ не исчерпывается общее положеніе партійной работы и господствующіе взгляды на современные партійные вопросы въ Р. С.-Д. Р. П. О нихъ весьма подробно сказано въ циркулярѣ Департамента Полиціи отъ 28 апрѣля 1913 года за № 98623“.

Старательнѣйшее углубленіе во всѣ оттънки организаціи идѣтъ такъ далеко, что даже тончайшія личныя особенности социалистовъ становятся извѣстными жандармамъ.

Спросите ихъ, скажемъ, какой характеръ у Череванина? Жандармъ перелистаетъ альбомъ въ желтой обложкѣ и прочтетъ вамъ:

«Череванинъ отъявленный оппортунистъ и всецѣло стоитъ за соглашеніе со всѣми кадетами и народовольцами и вполне поддерживаетъ позицію меньшевиковъ».

Ни гнѣва, ни полемическаго задора, ни волненія, ни злобы, ни любви въ этихъ страницахъ, въ этомъ стилѣ и языкѣ, вытесанномъ казеннымъ топоромъ изъ дубоваго дерева. По долгу службы, жандарму волноваться не полагается! Міръ тщательнѣе раздѣленъ по двумъ категоріямъ: съ одной стороны, августѣйшая особа нынѣ царствующаго или въ бозѣ почившаго, а съ другой—преступники.

Почему преступники? Какой недѣловой вопросъ! Все то, что не улавливается въ рубрики и параграфы, не существуетъ.

Живыя волненія и страсти, попадая въ этотъ антропологическій кабинетъ, умираютъ, обезцвѣчиваются, выдыхаются. Все просто и ясно...

Неоцѣнимое наслѣдство умершаго ордена голубыхъ іезуитовъ. Они все знали въ революціи, всѣ туманы конспираціи были для нихъ прозрачны. И теперь недавняя Россія, вся, въ полномъ своемъ объемѣ, хранится въ архивахъ охраннаго отдѣленія, ожидая своего историка.

Боль, страданія, муки людей, задушенныхъ въ объятіяхъ іезуитовъ, померкли. Остался огромный архивъ. Начиная съ сырыхъ, безграмотныхъ сообщеній уличныхъ филеровъ, нанимаемыхъ по полтиннику за разъ, какъ проститутка, и кончая глубоко учеными изслѣдованіями, какъ общій сводъ исторіи революціи подполковника Рожанова, несомнѣнно отличеннаго какимъ-нибудь орденомъ за свои неусыпные труды,—архивы эти даютъ все, что можетъ пожелать самое острое и мелочное любопытство.

Если дать его книгу для изученія рядовому работнику партіи, изъ него вышелъ бы черезъ мѣсяцъ превосходный и тонкій политикъ, знающій всѣ оттънки, всѣ детали и подробности своей и чужихъ партій.

Но, кажется, этотъ рядовой работникъ омертвѣлъ бы душой, что то живое надломилось бы въ немъ отъ скитаній въ ледяномъ мракѣ жандармскихъ циркуляровъ. Какая-то большая электрическая станція работала въ Петербургѣ, и оттуда посылала гальванизирующіе токи въ мускулы безчисленныхъ труповъ въ голубыхъ мундирахъ. Трупы двигались, записывали, наблюдали, писали циркуляры, арестовывали, допрашивали, ломали души и сердца, ссылали, заковывали въ цѣпи.

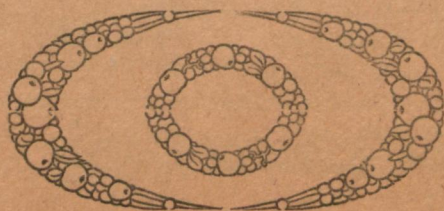
Каторжная фабрика! Самыя пламенныя цитаты изъ прокламацій и памфлетовъ, попадая въ своды донесеній, становились скучными, какъ полицейскій протоколъ. Самыя взволнованныя живыя лица, всесторонне снятыя жандармскими фотоаппаратами, становились похожими на портреты, сдѣланные съ гостей трупнаго покоя.

Когда революція ударила своимъ желѣзнымъ кулакомъ по стѣнамъ жандармскихъ учреждений, они опрокинулись, какъ карточные домики. Механизмъ пересталъ работать. Архивные листки безчисленными роями вылетѣли на свѣтъ. А что стало съ гальванизированными трупами въ голубыхъ мундирахъ? Разсѣялись, какъ дымъ? Умерли второй и послѣдней смертью? Или разбрелись по необъятной Россіи, ожидая возвращенія къ привычной священной работѣ? Гдѣ они? Что стало съ этимъ подполковникомъ Рожановымъ, сочинителемъ тяжеловѣснаго свода революціонной исторіи? Убила ли его толпа, или снялъ мундиръ и сразу сталъ другимъ человекомъ?

Нѣтъ, такіе люди не мѣняются! И кажется иногда, что знакомое лицо подполковника мелькаетъ гдѣ-то въ дымѣ и хаосѣ революціи. Можетъ быть, громить гдѣ-нибудь на митингѣ „отъявленныхъ оппортунистовъ—меньшевиковъ“, можетъ быть, усиленно разстрѣливаетъ на какой-нибудь глухой станціи или въ качествѣ комиссара или коменданта, пишетъ хорошо ему знакомымъ языкомъ новые циркуляры. Можетъ быть, затаился въ какой-нибудь дырѣ и выглядываетъ, не миновала ли буря, не пора ли возвращаться и опять налаживать старую работу.

Жандармъ, гдѣ ты? Отзовись!...

В. Р.

* *

Пышно-красивыя весны
Въ пламенномъ нимбѣ придуть,
Сумракъ застылый и косный
Свяжутъ въ пылающій жгутъ.

Звонко взовьется химера
Гибко-искристой струей,
Все, что безкрасочно-сѣро,
Канетъ въ порывъ огневой.

Сочно расцвѣтятся пѣсни,
Факелы вспыхнутъ яснѣй,
Слаще, цѣльнѣй и чудеснѣй
Вспѣнятся радости дней.

Пыльные, сырыя будни
Въ шелкъ и парчу облечемъ.
Сонъ, изъ вѣковъ непробудный,
Взбудимъ волшебнымъ лучомъ.

Радугъ безчисленныхъ нити
Насъ, воскрешенныхъ, овяютъ,
Миги несбыточныхъ слитій,
Сбывшись, свѣтло не солгутъ.

Пышно-красивыя весны
Встрѣтивъ призывнымъ стихомъ,
Вкрадчивый, радостный, росный
Ладанъ побѣдно сожжемъ.

С. С.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА „СОЮЗА ИСКУССТВЪ“.

Было время, когда существовало въ Харьковѣ ретроградное „Товарищество Харьковскихъ Художниковъ“. Товарищество исчезло, и на смѣну его выплылъ „Союзъ искусствъ“. 7 мая открылась выставка картинъ членовъ союза. Ни по внѣшности ни по содержанію она не отличается отъ выставокъ товарищества, —развѣ только по числу экспонируемыхъ картинъ?

Хочется задать вопросъ: что ищутъ эти художники, что же хотятъ они сказать своими безчисленными холстами, то сѣрыми, то взбрызнутыми каскадами пестрой краски? Ини одинъ холстъ не даетъ отвѣта. За ними пустота, ибо художники „Союза искусствъ“ не стараются создать духовную цѣнность, а лишь даютъ на холстѣ то или иное *формальное* разрѣшеніе постановленной задачи: новую гамму, виртуозный рисунокъ, —показываютъ техническую сторону своего бездушнаго творчества.

Въ произведеніяхъ, предложенныхъ на выставкѣ, —нѣтъ духовной цѣнности. Наиболѣе интересными являются экспоненты „группы семи“—Цибисъ, Калмыковъ, Бобрицкій, а также Кацъ, Каменская-Чурилина. Путь анализа для нихъ—путь пройденный, въ особенности для Калмыкова и Цибиса, отъ Бобрицкаго же мы ожидаемъ большихъ живописныхъ работъ, болѣе серьезныхъ, чѣмъ костюмы, —у него имѣются для этого всѣ

данныя. Косаревъ и Цапковъ еще держатся за отжившій путь анализа, но они неизбежно придутъ къ синтезу: „Городокъ“ Цапка говоритъ за это.

Талантливые этюды (Закавказья 1912—13 г.г. Каменской-Чурилиной намъ извѣстны; въ новыхъ вещахъ (акварель) художница сдѣлала шагъ впередъ, хотя въ нихъ чувствуется вліяніе художника Сарьяна; по композиціи и по характеру онѣ скорѣе требуютъ красокъ темперы, чѣмъ акварели.

О „старыхъ“, о „наслѣдникахъ передвижниковъ“ много говорить не приходится: они и ихъ вожди давно развѣнчаны художественной критикой.

Въ заключеніе скажемъ, что несмотря на всѣ недочеты и промахи выставочнаго комитета и жюри выставка разнообразна (даже слишкомъ) и интересна, въ особенности комната, представленная „группѣ семи“.

Художники—аналитики приготовили богатую почву, но сами они ничего создать на ней не смогли, да и не смогутъ, —она ждетъ другихъ людей, другихъ художниковъ, сильныхъ духомъ.

Они придутъ...

М. Кинь.

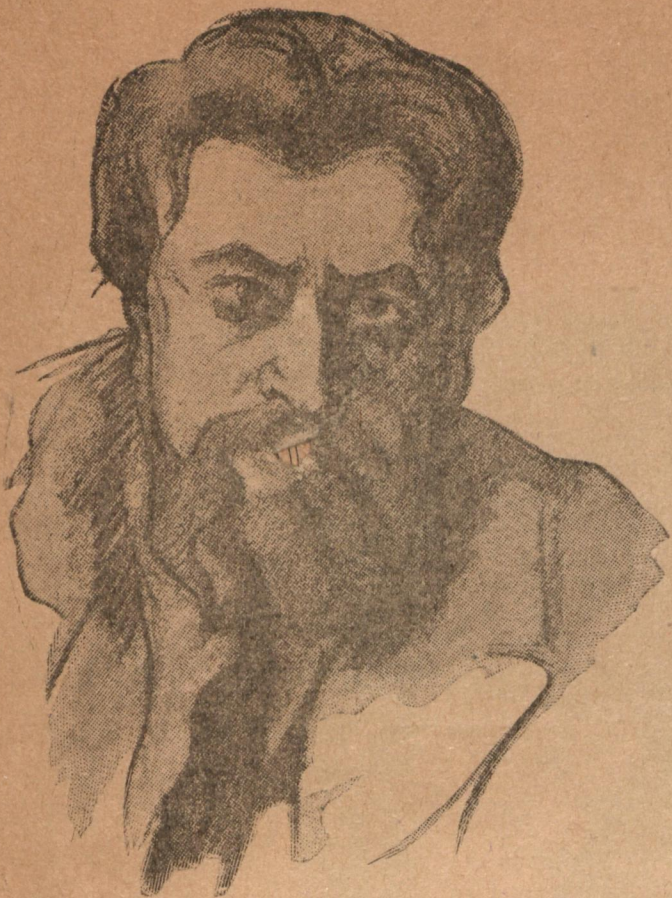

ТЕАТРЪ.

Къ истекшему сезону Драматическаго театра.

„ИВАНОВЪ“—А. П. Чехова

„РЕВИЗОРЪ“—Н. В. Гоголя

г. Кречетовъ въ роли Иванова

Рис. Козлова.

г. Баровъ въ роли Городничаго

Рис. Козлова.

УДАЧНОЕ И НЕУДАЧНОЕ.

Руководители Городскаго Драматическаго Театра, г-да Синельниковъ и Шмидтъ—можетъ быть, и выдающіеся режиссеры и опытные работники театра, умѣющіе вести стройно театральное предпріятіе, но горе въ томъ, что не чувствуется въ ихъ постановкахъ размаха, стремленія впередъ; все, что выходитъ изъ подъ ихъ рукъ, статично, закончено.

Театръ Н. И. Синельникова—театръ безъ исканій. Всегда продуманныя, тщательно исполненныя и технически и декоративно—всѣ постановки этого театра отливаются въ холодныя мертвыя формы педантичнаго реализма.

Часто заранѣе знаешь, какъ ординарно справится съ тѣмъ или инымъ заданіемъ режиссеръ, и поэтому часто въ театрѣ (бываетъ) скучаешь, несмотря на подобранный хорошо составъ исполнителей, среди которыхъ много незаурядныхъ актеровъ. Кромѣ того, если мы пробѣжимъ весь репертуаръ зимняго сезона, то увидимъ, что громадное большинство пьесъ составляетъ комедіи, среди которыхъ много легкихъ съ изрядной дозой пошловатой мѣщанской морали. И эти комедіи разыгрываются досадно хорошо, бойко, чувствуется, что на нихъ затрачено много художественной энергіи, которая могла быть использована значительнѣе...

Говорятъ, что въ наше время кошмарныхъ настроеній гражданской и націоналистической войны среднему обывателю-посѣтителю театра нужно отдохновеніе, нужны непринужденный смѣхъ и забвеніе.

Но вѣдь мѣщанство всегда склонно къ квіэтизму и ищетъ въ театрѣ легкое развлеченіе, однако театръ это отношеніе къ искусству не считалъ критеріемъ для себя. Не должно унижаться театру до роли валеріановыхъ капель испуганной буржуазіи.

Вѣдь, всѣ данныя говорятъ за то, что театръ Синельникова могъ бы сдѣлаться театромъ серьезной комедіи: художественныя силы труппы, подборъ и составъ актеровъ, режиссура. Нужно только опредѣлить свое направленіе. И, какъ таковой, театръ серьезной комедіи нашелъ бы много поклонниковъ среди городской демократіи.

Нужно, чтобы были выброшены изъ репертуара навсегда «Благодати», «Соломенные шляпки». Не слѣдуетъ театру брать за чеховскія пьесы, ибо для этого нужно стать «театромъ настроенія», какимъ Синельниковскій театръ быть не можетъ. «Ивановъ»—неудаченъ, и это хорошій урокъ для морали театра. За то «Ревизоръ» въ духѣ театра, и репертуаръ, подобранный изъ пьесъ серьезной комедіи, лишенныхъ обычной буржуазной морали, далъ бы театру настоящій успѣхъ не у издерганнаго обывателя, а у демократіи пролетарской, жаждущей хорошихъ пьесъ, хорошаго театра и до сихъ поръ почти что не приобщившейся къ живительному и могущественному источнику искусства, какимъ является театръ.

В. Б.

Принимается подписка

на иллюстрированный литературно-художественный еженедѣльникъ

„КОЛОСЬЯ“

Подписная цѣна—3 р. въ мѣсяцъ, съ пересылкой—4 р. Цѣна отдѣльнаго номера—75 к.

Редакція и Контора: Харьковъ, Николаевская пл. № 23, д. Городск. Управы. Приѣмъ ежен. въ 6—8 веч.

Редакторы: Ф. Конь и В. Рожицынъ.

Издательство „Соціалистическая Мысль“.

Цѣна 1 рубль.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ

Харьковъ, Городская Типографія.